

Вячеслав НЕСКОРОМНЫХ

КАЗАЧИЙ ИСХОД

I

В середине февраля 1920 года по еще крепкому льду Иркутка со стороны Иркутска в деревню Шаманка нагрянул под вечер отряд верховых числом в четверть эскадрона. Это были опытные казаки из охраны адмирала Колчака, что маялись который год, не выбравшись окончательно из одной войны с германцем, как попали на другую, и казалось теперь, бесконечную по срокам.

Казаки, укутанные по глаза в башлыки, в длинных заснеженных шинелях с карабинами за спиной и большими мешками с провиантом, теплыми вещами и оружием, притороченными к седлу позади всадника, молча и сосредоточенно вошли в деревню на усталых заиндевелых на морозе конях. Кони фыркали, пытаясь сбить намерзающий на морде и ноздрях лед, и устало брели, переступая, семена, понуриив головы, прикрывая усталые глаза ресницами с бахромой измороси.

Впереди отряда суегился на резвом мерине сотник Кондратий Хватов. Сотник вел себя нервно, покрикивал на казаков и вертелся на своем коне, выбивая копытами снег. На Хватове ладно сидела серая папаха с бело-сине-красной кокардой и овчинная армейская куртка-бекеша. Из-под папахи выбился длинный, свалывшийся в долгих скитаниях русский казачий чуб. На руке Хватова на петле висела нагайка, сбоку на поясе шашка. Потертый боевой карабин был ловко приторочен к седлу.

Хватов был из местных. Крепкий, коренастый молодой мужик, с круглым обветренным и обмороженным лицом, на котором красовались рыжеватые усы и гуляла улыбка, которая в сочетании с недобрым прищуром светло-голубых глаз, создавала образ симпатичный, но несколько настораживающий. И то правда. Стоило вступить в разговор с сотником, сразу слышался в голосе скрежет металла. Губы кривила усмешка, в которой читалась ирония и недоверие к собеседнику.

Такая манера общения у Хватова сложилась за годы войны, когда приходилось самому быть в числе рядовых и вынести многие тяготы окопной жизни. Продвинувшись по службе, став командиром над казаками, сотник усвоил, что для влияния на подчиненных следует всегда быть придиричивым, жестким и непредсказуемым в своих действиях. Жизнь научила — надеяться можно только на себя, а рассчитывать на реальную поддержку служивых и также многому наученных казаков — дело пустое. Особенно понятно это стало теперь, когда погнали красные войска белые отряды, и нужно было думать и искать тот вариант, что позволял бы сохранить жизнь и обрести какую-никакую перспективу в этой самой жизни.

Таких, как Хватов, опасались за резкость и непредсказуемость рациональных и жестких действий, а значит, уважали — точнее, боялись, а потому слушались и спешили исполнить сказанное даже спокойно в полголоса как просьбу, потому что, если ослушаться, в другой раз тебе это припомнят и обязательно накажут.

Повоевав с крепким германцем и хлипким австрийцем, Хватов вернулся в деревню после службы вахмистром, серьезно продвинувшись по службе. А когда грянула революция, вскоре снова отправился на фронт по призыву уже в Белую армию и при отсутствии достойных и опытных командиров вырос до сотника. В белую гвардию Хватов отправился по убеждению: как-то ему сразу было понятно, что все эти лозунги про свободу, землю и волю — просто козыри в руках шулеров, взявшихся перекраивать вековой уклад. Не верил Хватов, что кто-то кому-то отдаст хоть толику по доброй воле. Чтобы хоть что-то, хотя бы самую малость дать, это что-то нужно было отнять у другого. А в чем тогда смысл? И как только в деревне возникли первые советы

с голытьбой во главе, Хватов не стал испытывать судьбу — собрался наспех и в ночь ушел из деревни в войска.

Теперь, оказавшись во главе отряда, Хватов направил казаков в знакомые места, намереваясь выйти из западни, что устроили красные и чехословацкие легионеры, перекрыв основные пути отступления на восток. Путь этот — узкое горлышко вдоль отвесных берегов Ангары и Байкала по знаменитой Кругобайкальской железной дороге, что протянулась на сотню верст по вырубленному в скале карнизу вдоль обрывистого крутого берега к стылым водам великого озера. Дорога изобиловала делянками протяженных и коротких тоннелей, множеством арочных мостов, подпорных и водоотводных стенок и даже в обычном своем состоянии и хорошую погоду представляла для поездов непустячное испытание: скорость движения была строго регламентирована, а машинисты напряженно смотрели вперед, опасаясь камнепадов с отвесных скал.

Путь казакам предстоял неблизкий, и первый его этап включал выход по льду реки и таежным тропам к южной оконечности Байкала в обход Кругобайкальской дороги, а далее на восток вдоль отрогов Хамар-Дабана и берега Байкала. Предполагалось, что там, на этом участке железной дороги, еще сохранилась власть белой гвардии и казаков атамана Семенова.

Как только вошли в деревню, Хватов сразу отрядил деревенского старосту развести казаков по избам, а сам направился в родной дом к родителям и молоденькой еще совсем сестренке, которых не видел уже почти два года. Сотника ждали у ворот. Маманя кинулась к нему и плача с ходу взялась рассказывать семейные новости да напасти. Отец подошел степенно и крепко обнял сына, явно гордясь им. Сестренка подскочила последней, повисла на шее брата, вела себя шумно, и было видно, как она рада и ждет гостинца. Кондратий не стал медлить и, только вошли в дом, достал припасенные подарки: маме теплую шаль, сестре платочек шелковый китайский и брошь с малахитом, а отцу кисет расписной, туго набитый отменным табаком, и тут же тихонечко подсунул наган, давая понять: бери, батя, времена нынче лихие — пусть будет. Отец несколько отпрянул при виде столь нежданного дара, но взял оружие и, укутав его в тряпицу, убрал в нишу за печкой.

Среди казаков выделялись добротной формой и осанкой три офицера и упряжь из двух лошадей, управляемые верховым солдатами, которые несли подвязанный между лошадьми груз. Сотник за ними присматривал особо, по поручению штабс-капитана Соколовского, зная, что это офицеры со специальным поручением штаба, о сути которого они не скажут никому.

Штабс-капитан Соколовский был личным порученцем Колчака и отвечал за груз в поезде, в том числе и за золото. Внешность Соколовского сразу выдавала в нем старого служаку: подтянутый, сосредоточенный, всегда в свежей сорочке, краешек которой выглядывал из-под ворота мундира, в выглаженных галифе и тщательно вычищенных сапогах. Лицо штабс-капитана, ухоженное, в пенсне, с небольшой бородкой клинышком и щеточкой усов указывало на хороший вкус, образование и принадлежность к представителям потомственных дворян Российской империи.

Перед арестом адмирала в Иркутске Соколовский едва успел снять с поезда часть вещей и архив адмирала и с несколькими офицерами из окружения верховного примкнуть к Иркутскому гарнизону в ожидании того, как решится судьба Колчака. После известия о гибели Колчака пришлось покинуть город тем, кто до последнего был с адмиралом. Самый короткий путь по железной дороге на восток был перекрыт, а соединиться с войсками генерала Каппеля, стремительным броском обошедшими город и, смятая заслоны красных, ускользнувшими за Байкал, не удалось.

Эскадрон, вымотанный зимней дорогой, был в пути уже вторую неделю, рыская в поисках выхода из окружения. Отставшие от основных отрядов казаки решили идти к станции Култук по льду Иркуты, с тем чтобы уже за станцией выйти на тракт и железную дорогу в обход Байкала. Если же дорога будет захвачена врагом, оставалась возможность спуститься на лед Байкала и идти вдоль берега на восток. В эту пору лед на озере был еще крепок.

Вот в таком состоянии полного разочарования, раздумий и неуверенности передвигались по льду реки казаки и офицеры, чтобы спасти себя, ведомые знатоком мест сотником Кондратием Хватовым.

В деревне, переполошив собак, изводящихся в лае, казаки разместились во дворах, на которые указал Хватов. Казаков распределили по соседним избам, организовав постели прямо на полу, на которых и разместились вповалку. Время было позднее, и вымотанные дорогой люди, едва перекусив, уснули. В избах с прибывшими новыми постояльцами сразу распространился резкий мужицкий дух пота, табака, кожи и машинного масла. Господ офицеров с секретным грузом и охраной принял у себя староста в просторном своем доме.

II

При вхождении в Шаманку отряда колчаковцев деревня насторожилась, затаилась и ощетинилась. До глубокой ночи не спали мужики, все ждали — не пойдут ли по дворам шkodить прибывшие. Но поначалу обошлось: ночь прошла спокойно, и наступил морозный, в инее на избах и деревьях, в густом тумане рассвет.

Утром, едва рассвело и дымы из труб выстроились, устремившись ввысь, чем оживили зимний пейзаж, выпавшиеся и отогревшиеся казаки взялись навестывать упущенное: потребовали накрыть стол и подать непременно самогона да затопить баньку. На столе появился мороженный розоватый на срезе увесистый шмат сала с кристаллами крупной соли, аккуратно завернутый в белую ткань, пара хлебных караваев, десяток золотистых луковиц. В тазике торчала айсбергом и таяла большущая белая шайба замороженного молока. К столу хозяйка подала и чугунок свежесваренной, парящей и источающей аромат картошки.

Усевшись за стол, казаки вопросительно посмотрели на хозяйку — вдову, уже немолодую, и та, быстро сообразив, извлекла из подпола бутылку с самогоном. Казаки дружно рассмеялись и, судача, отметили, что приятно остановиться у столь сообразительной хозяйки. Женщина в ответ зарделась и, смутившись, быстренько ушла с глаз долой разгулявшихся мужчин.

Под одобрительные и сальные шуточки казаков хозяйка скрылась за печкой, где и сидела теперь в основном с притаившейся там девкой лет пятнадцати, которой было и любопытно происходящее в их избе, и в то же время одолевал страх: мамка наговорила строгостей и предостережений, требовала ни в какую не вступать в общение с пришлыми, опасаясь, что снасильничают малолетку. Девчонка, тем не менее, храбрилась и порывалась все выскочить, показаться лишней раз пришлым людям, но мамка одергивала девку и заставляла сидеть тихо.

— Не нарывайся, Ксюха, — цыкала на дочь мамка, а молодая, ощутив одобрение казаками ее показной решимости, все более вела себя так, как не подобает, по мнению матери, себя вести скромной девушке среди чужих мужиков.

К обеду нежданно прибывшие гости уже были изрядно пьяны и разбрелись по избам, в которых остановились для общения и долгих разговоров. Теперь, сидя по домам деревенских, казаки сокрушенно размышляли о том, что их ждет впереди. Ситуация складывалась так, что исхода их службе видно не было. Заговорили было о том, что пришла пора кинуть эту службу и отправиться по своим домам, а то, не ровен час, господа офицеры заведут их в такую переделку, что и ног не смогут унести.

Но возникли сомнения. Сомневающиеся заявили о том, что здесь среди тайги будет сложно найти нужную дорогу, и следует довериться знающему сотнику Хватову, чтобы вывел он казаков к железной дороге. Рассчитывали, что за Байкалом атаман Семенов со своими казаками сдерживает красных, и они смогут или примкнуть к ним, или двигаться дальше самостоятельно.

— А язык, как известно, и до Киева доведет, — завершил разговор урядник Запашный.

— И не только до Киева доведет, и до могилы проводит, — продлил мысль урядника, как выдохнул, сидящий у печи угрюмый с обвисшими усами казак Родион Хопров, который маялся который день желудком и от того имел крайне болезненный вид. Казаки в ответ на остроту Хопрова невесело рассмеялись.

Сокрушаясь, старый казак Селезнев, тем не менее, балагурил, понуро склонившись над столом:

— Раскудрит твою канитель — расплескали мы купель, прогневили небеса — нет нам веры, нет креста!

Сидор Крайнев, молчаливый уралец, вдруг тяжело вздохнул и изрек как бы для себя:

— И Господь нас покинул. Не чую я нынче поддержки Святой Троицы — молись, не молись. Может, и нет ее вовсе?

— Святая Троица? — оживился Хопров, — Нет, брат Сидор, в этом что-то есть. Как только возьмусь выпивать да третью стопку пропущу — всё, как будто отрезало — более не хочется. Но вот как только на четвертую-чертовку совращусь — всё, считай, очухаюсь только дня через три! Чуешь, Сидор, — через три!

Казаки дружно рассмеялись.

— Да, брат Селезнев, тут ты прав, что-то в последний год у нас все пошло не в лады. Красные потрепали за загривок да погнали нас, как белок по тайге гоняет добрая лайка, — понуро продолжил разговор урядник Запашный, штопая порванную гимнастерку и прилаживая погон с широкой полосой.

— Раскудрит твою коромысло, как ни гляди — все криво вышло, — продолжал свою унылую линию шуток-прибауток Селезнев в ответ на реплику урядника.

— Вот что мы тут сидим? И куда нас завтра поведет сотник? Бегём от самого Омска. А далее куда? Гуторят, в Китай. А что там я среди этой нелюди смогу найти? Дома уж заждались. Тебе вот хорошо, ты забайкальский, чем дальше идем, тем ближе к твоему дому. А я-то куда бегу, коли моя хата на Енисей-реке.

— Эх, браток ты мой Селезень! И то правда — ходим мы по тайге энтовой, как воши по складкам и швам одежи. Нет нам исхода, нет надежи, — высказался Запашный и продолжил: — Вот чую я, что скоренько надоест мне эта канитель лесная в скитаниях без цели и смысла да подамся я к дому. Так уж хочется прижаться к некоторым местам бабьим, что сил уже нет ожидать, и чтобы своя баба была, а не чужая приبلуда привокзальная, — закончил Запашный, мечтательно прикрыв глаза и разудыбавшись видению.

— Энто к каким таким местам прижаться желаешь? — спросил с хитрой ухмылкой Никифор Скорцов, забайкальский казак, разглаживая порыжевшие от дыма папирос кончики усов.

— Да ясно к каким — заповедным, — ответил, блаженно растягивая слова и прикрыв глаза, Запашный.

Дружный смех казаков стал тесен для горницы деревенского дома. В другой комнате, за печкой заплакал младенец. Кто-то из пришлых, перебрав самогону, прикорнул у стола, уронив отяжелевшую голову на руки. Кто-то засмолил самокрутку. Хата наполнилась сизым дымом. Из угла, где сидел на полу, на расстеленной с вечера кошке казак Федор Крюков, потянулись тягучие, тяжелые нотки пения и зазвучало гуровато, с надломом в голосе:

— *Жизнь-Матушка, ты моя погружка,
Ты моя награда, радость, да отрада-а-а-а.
Жизнь-Матушка — злая колотушка,
Ты моя невзгода, стужа-непогода-а-а.
Жизнь-Матушка — горечь и утрата —
За судьбу уплата-а-а-а, — уже навзрыд тянул Федор.*

Казак прислушивались, приуныли, а Федор продолжал тянуть жилы и выворачивать души загрубевших в боевых скитаниях солдат:

— *Как по жизни — жалкой укоризне,
Следуя невзгоде, я брежу оди-ин.
Потерял судьбину, я свою былину,
Потерял я нитку радостей свои-и-их.
Жизнь-Матушка — злая побирушка,
Ты моя потеря, злая канителя горестей мои-и-их.
Жизнь-Матушка, ты моя погружка,
Ты моя невзгода — жизни непогода... ты-ы-ы моя любо-овь...*

Казак примолкли. Каждый из них переживал свою историю, свою личную мелодраму, в которой были и оставленная станица или деревня, и родители-старики, жены, полюбовницы и детишки, плетень округ усадьбы да вековой тополь на въезде из деревни. Дети выросли уже за годы отлучки отцов, но каждый из них, вспоминая своих ребятишек, представлял тех такими, какими он их оставил, понимая, между тем, что дети у него выросли без отцовского пригляда и какие они теперь, трудно было представить. Кто-то, вздохнув глубоко, плеснул в кружку самогона и молча выпивал морщась, то ли от горького напитка, то ли от тяжелых и горестных мыслей.

— Умеешь ты, Федя, душу разбередить, — ответил на песню казак Селезнев и продолжил, надорвав газетку и скручивая из самосада сигарку: — И то правда, сломалась жизнь прежняя. А новая все как-то не народится. Сколько еще будем скитаться? А ведь так хочется хозяйством своим заняться. Мне так и снится, как я вернулся и взялся вдруг поправлять забор вокруг усадьбы. Это та работа, что всегда откладывал на потом, а взялся уже совсем перед призывом в войска, как будто чуял — уйду надолго и завалится ограда. Да так и кинул, не доделав до конца — не успел.

А в доме деревенского старосты Кубаенкова в обширном дворе, обнесенном добротным забором, разместились господа офицеры. Среди троих офицеров, выделяющихся среди мешковатых казаков выправкой, старшим по званию был полковник Александр Лаврецкий. Но, тем не менее, сохраняя субординацию, всем распорядился штабс-капитан Николай Соколовский, получивший распоряжение от самого Колчака сопроводить груз до ставки белых войск и передать все вывезенное в штаб. Выправкой среди их высокоблагородий выделялся подполковник Иннокентий Ракитский, штабной офицер, который без объяснения причин вместе с Александром Лаврецким по приказу верховного встал в строй и отправился вместе с эскадром казаков искать удачу на таежных тропах. Теперь тщательно выбритый, в чистой натальной рубахе Лаврецкий сидел, накинув одну ногу на другую в начищенных до зеркала сапогах, и курил, с наслаждением потягивая ароматную папиросу «Салье».

Штабс-капитан Соколовский знал, что господа офицеры связаны с контрразведкой армии Колчака, и не доверяет высокому их положению и назначению у него не было оснований. Ему было только сказано, что и Лаврецкий, и Ракитский имеют особое поручение от главнокомандующего, а ему поручается за ними присмотреть да подсобить на марше.

В доме под охраной постовых офицеры отдыхали достаточно комфортно и сытно. С ночи едва перекусив, офицеры уснули, утопая в огромных пуховых перинах на кроватях в горнице. А утром, очнувшись от глубокого, близкого к обмороку сна, тщательно помывшись в протопленной утром бане, побрились и, облачась в свежие сорочки, наслаждались покоем и теплом.

Староста быстро оценил уровень и значимость постояльцев, тут же распорядился готовить еду поизысканнее. На стол были выставлены соленья, моченая брусника, сало, свежий хлеб и чудом сохранившаяся с давних времен бутылка коньяка. Коньяку офицеры были особенно рады. Прекрасный ароматный напиток благотворно повлиял на укрепление духа уставших от перехода и холода офицеров. Долгая дорога в седлах давала о себе знать: офицеры простыли, и особенно одолевал кашель Лаврецкого. Но за ночь пропотев, полковник с утра выглядел сносно здоровым, а после коньяка раскраснелся и даже собрался пойти прогуляться по морозцу.

Сотник Хватов, понимая, что времени на отдых иркутские комитетчики им, видимо, не дадут и отправят вслед отряду свою боевую группу, решил, что суток им хватит, чтобы отдохнуть, а потом обязательно нужно уходить. Свои соображения он донес штабс-капитану Соколовскому, и, посоветовавшись, они решили, что завтра с утра надо выступать.

— Согласен, сотник. Незамеченными нам пройти не удалось. Пришлось пострелять у поста на выходе из города, а значит, в курсе наши оппоненты, куда мы направились. Думаю, и про груз наш они осведомлены, — ответил на слова Хватова штабс-капитан.

— Да, тихо пройти было нельзя. Там у них пост был скрытно поставлен — замети-ли, — отвечал, потупившись, Хватов, вспомнив отчаянную перестрелку, когда ранним утром, еще в полутьме рассвета наткнулись они на пост, укрытый крутым обрывом на изгибе реки и густым лесом.

Тогда пришлось прорываться в отчаянной скачке, подавляя огонь с поста из ручного пулемета. Пулемет был американский крупнокалиберный, скорострельный, и его удалось выкупить с несколькими ящиками патронов за золотой брусок у чехословацких легионеров. Бил он так, что молодые березы и тонкие лиственницы срезал невероятно плотный огонь. А при попадании в тело солдата шансы на выживание были минимальны: отрывало конечности и такие оставляло раны на теле, что свободно мог пройти кулак на выходе пули из тела.

Между тем казаки, отдохнув и разомлев от самогона, повели себя развязно. Из хат стали слышны крики, и уже из одной избы с высокого крылечка выскочили, размахивая кулаками, хозяин двора и пьяный казак. На крыльце рядом с пьяным казаком стоял с белым как снег лицом молодой совсем еще мужик и рвался кинуться на обидчика. На нем висла молодуха в разорванной сорочке и широкой юбке, растрепанная, с искаженным плачем лицом и не давала ввязаться мужику в драку, с криком и причитаниями:

— Паша! Не встречай, родненький! Порешат казаки тебя! Пусть батя поразговаривает с ними!

Хозяин хаты оттолкнул жену и взялся лупить кулачищами умело-размеренно и размашисто едва державшегося на ногах пьяного казака. Казак нескладно отбивался и, плохо ориентируясь спяну, едва стоял на ногах. Мужик схватил его, практически оглушенного, за шиворот, протасил по двору и выбросил за ворота в снег улицы. Размазывая кровь по разбитому лицу и истошно вопя:

— Бьют, служивые! — казак кинулся, спотыкаясь, к коновязи и, разглядев, что коня его тут нет, бросился во двор большого дома, где собралось до десятка колчаковцев.

Тут же из двора на улицу вывалились несколько вооруженных казаков, один в исподнем, но в папахе и уже сидя на коне, размахивал шашкой. Казаки кинулись во двор к обидчику. Хлопнул выстрел, потом ответный, явно глуше — видимо, из нагана. Вслед тут же в ближних дворах заголосили женщины, залаяли собаки.

Во дворе завязалась потасовка. Прибежавшие казаки свирепо избивали вступившихся за своего родственника мужчин: старого, уже седого хозяина подворья тут же ударом по голове опрокинули в снег. Молодого сельчанина, что только что гвоздил казака кулаками, свалили на землю и взялись избивать нагайками, добавляя в запале тугие тяжелые удары коваными сапогами, и в ответ на отчаянное сопротивление, стали забивать мужика прикладами карабинов, до тех пор пока тот не потерял сознание.

Из избы вышел на крыльцо совсем старый дед с берданой и пальнул над головами

собравшихся во дворе казаков. Те настороженно остановились, но, не дав перезарядить ружье, сшибли старика с ног и скинули с крыльца. На снегу появились пятна крови, и унылая атмосфера насилия и страха повисла вокруг.

Хватов, услышав хлопки выстрелов, на неоседланном своем мерине примчался к месту событий и едва успел пресечь расправу над несговорчивым мужиком и его семьей. Несчастных под дулами карабинов уже поставили к стогу сена на заднем дворе и теперь измывались, демонстрируя силу. Когда Хватов подъехал, у стога стояли деревенские: согнувшись, весь в кровоподтеках знакомый ему Платон Сердюков, его старший сын Павел, бледный как полотно, и старик — отец Платона. Платон Сердюков держал беспомощно обвисшую руку и, скривившись беззубым ртом, пузыря кровь на губах, слал проклятия и стыдил казаков:

— Што? Справились, вояки вшивые! Со стариками и бабами только воевать можете!

— Заткнись, старый! Мало кровушки хлебнул, — выдавил с угрозой в голосе казак Никонов и потянул шашку из ножен.

— Ироды, как вас только земля наша носит! — негромко, но внятно произнес старик и плюнул в сторону сгрудившихся казаков кровью из разбитого рта.

Казак Никонов, ощерившись, едва сдерживаясь, с шашкой в руке шагнул к Платону.

— Хватит бугагозить! Что вытворяете! Мы сюда не насильничать зашли! Прекратить! — завопил подскочивший к казакам Хватов, крутясь на своем мерине. Конь уловил волнение хозяина и теперь сопел, раздувал ноздри, пучил глаза и все норовил кинуться вскачь, но удерживаемый жестко натянутыми поводьями и удилами, что рвали губы, только вертелся, перебирал ногами и кидал копытами снег округ себя, выгнув шею, и был в этот момент необыкновенно красив. — Отпустить! Мужиков отпустить и всем по дворам разойтись! Собираться всем! Выходим из деревни уже нынче! — в сердцах, плохо соображая, кричал Хватов и для убедительности, не сдержавшись, огрел сгоряча ближнего казака нагайкой так, что у того от удара лопнула рубаха на плече и сразу окрасилась алым.

Казак охнул, пригнулся, присел и выронил карабин. Хватов, понимая, что не к месту разозлил казака, тем не менее отметил, что его решительность против суда над деревенскими на собравшихся казаков подействовала.

— Кондратий, да ты че?! Мы только хотели их пугануть! Успокойся! — включился в конфликт старый авторитетный казак урядник Михей Новоконов, которому всегда по-отечески обращался к сотнику как старший и более опытный служака, давно пребывающий под его командой.

— Хотите проблем? Нам ругаться с местными не с руки! — пытался донести до казаков важную мысль Хватов.

Все понемногу начало успокаиваться. Казаки стали расходиться, переговариваясь между собой и бросая косые, полные укоризны взгляды на Хватова.

Хватов соскочил с коня, проводил Сердюковых к дому.

— Что случилось-то? — обратился к Платону сотник.

— Так в доме ночевали двое из ваших, а седня пришел после бани один из них, страмина, совсем пьяной и давай Дашку, жену сына, лапать да тащить из хаты. «Идем в баню с казаклом, спинку мне потрешь», — говорит и давай, зараза, жене Павла чуть ли не при всех подол задирать. Та ему по морде да в крик — вот и пришлось вмешаться.

— Я его выпроводил из хаты, так он в драку полез и привел своих дружков, — переживая произошедшее, трясущимися разбитыми губами затягиваясь самокруткой, вступил в разговор Павел.

— Понятно. Обычная история. Как выпьют — не люди, а сброд дикарей. Но понять их можно — считай, на холоде, без нормальной еды всю зиму, без бабьего участия, — оправдывал неуверенно своих казаков Кондратий.

Успокоив казаков и проверив караул на въезде в деревню, Хватов направился к дому своего соседа Ивана Зимина.

III

Еще на въезде в деревню хотелось Хватову зайти и показаться Матрене, которую он знал с малых лет и хотел взять в жены, как девушка подросла. Но война спутала все планы на жизнь, и, вернувшись после германца в деревню, увидел Кондратий уже замужнюю Матрену с мальцом у подола. Малец терся возле мамки и, стесняясь чужого дядю, прятал лицо, утыкаясь в подол и несмело выглядывал на него, а словив ответный взгляд, снова утыкался мамке в юбку.

Выходило так, что не дождалась Матрена его, хотя если быть справедливым, то, в общем-то, и не обещала она ему этого. Он ходил за ней, приставал, давал знать, что

люба она ему, но, по малости лет, девка все отшучивалась и серьезности в ее девичьем положении не показывала. Он собрался и ушел в войска, и вот на тебе — та, что должна, как ему казалось, рожать сыновей и дочек ему, Кондратию Хватову, вышла замуж и родила сынишку сморчку малолетнему — сыну Ивана Карцева. Сказывали, сын Ивана до сей поры не вернулся из войск, куда угодил уже позже Кондратия. Говорили, что как будто сгинул — ни весточки, ни памяти в письмеце хотя бы так и не было получено от солдата.

Но сердце — оно, неутомное, все хлопочет и хлопочет и порой, похлопотав, казалось, попусту, требует настойчиво того, что кажется безнадежным. Уже как бы и понятно, что Матрена жена другого, и довесок в лице сынка уже образовался, но тянуло Кондратия к ней. В прошлый свой приезд заходил, подарки дарил, но все впустую. Матрена его обсмеяла — залиvisto, весело, запрокинув задорно голову с тяжелой русой косой, платок цветастый, что подарил, правда, взяла, но большего не позволила.

И вот решил Кондратий зайти, еще попытать счастье. Тянуло его к Матрене, казалось, и сил не было стерпеть. Правда, не знал, что он ей скажет, что может предложить взрослой замужней женщине. Было понятно, что его война еще не закончилась и придется уходить на восток, но хотелось сказать о своих чувствах, что тлеи — не угасали, а от этого только сильнее бередили душу.

Нынче по приезде Кондратий было сразу пошел к Матрене, но удвора засомневался, а когда сама Матрена вышла из двора, затаился и только с восхищением смотрел на нее, отмечая ладную фигурку в полушубке, стройные ноги в аккуратных валенках и любясь знакомым лицом, укутанным в нарядный пуховый платок. Все в ней было и знакомо, красиво, и совершенно сейчас недосыгаемо.

Теперь, понимая, что времени на ухаживания-уговоры нет вовсе, отметив с горечью, как поднимается волна негодования деревенских против пришлых, Кондратий решительно вошел во двор и, едва обозначив свой приход, шагнул в избу, где сразу столкнулся с Матреной. В доме не было более никого. Матрена, увидев Кондратия, не удивилась, видимо, знала о его прибытии и понимала — придет непременно. Она ему в прошлый раз — более двух лет минуло — ничего не обещала, но чувствовала его жгучий мужской интерес к себе. Побаивалась его теперь Матрена, хотя знала с детства, с побегушек вдоль реки, когда счастливые кидались в воду, не стеснялись своих измазанных лиц и простой легкой одежды, что едва прикрывала тело. Были они тогда бесечно веселы, и не было причин выяснять отношения.

Теперь женщина растила сынишку и ждала, еще надеялась дожждаться мужа, который в ее жизни появился нежданно в один из душных летних вечеров. Появился нежданно суженый, но стал вдруг быстро понятным и желанным: хотелось узнавать его больше и жить с ним одной общей жизнью. Но вместе побыть у молодых долго не вышло: отбыл на войну муженек, а теперь и отец ее сына. Мальчонка родился уже без отца, так и рос под присмотром мамы и старших — крепкого еще деда и бабушки.

Кондратий шагнул навстречу Матрене, но ощутил холодок в ее серых глазах и оттого сразу закипел, взялся горячо убеждать в том, что он для нее на все готов и ждет только, что она решится и будет с ним.

— Матрена, мы нынче уходим к Култуку, а потом через Верхнеудинск и Читу в Китай, в Манчжурию. Деньги есть — разжился у Колчака на службе. Я все сделаю для тебя. Прошу настоятельно — поедом со мной, — деланно, меняя голос, стараясь придать большей значимости словам, начал свою речь Кондратий.

— Я тебе уже все, Кондратий, объяснила. Это не детская игра или забава какая. Я жена, и у меня сын растет. Зачем я поеду с тобой? Не люблю я тебя, и я тебе это не раз сказывала. Ступай уже с миром, езжай в свой Китай, мне он даром не нужен, — прямо глядя ему в глаза, ответила Матрена.

Кондратий шагнул было к женщине, пытаясь быть ближе и объяснить ей то, как он к ней относится и какую она делает ошибку, отказываясь от него, от его предложения поехать с ним. В сенцах стукнула входная дверь, раздалась шаги, и сразу отворилась дверь в дом. Кондратий отступил от Матрены, продолжая смотреть на нее. На пороге вырос отец Матрены Иван. Войдя в дом и увидев Кондратия, Иван нахмурился и, твердо ступая, так что под его грузным телом заголосили половицы, встал напротив Кондратия лицом к лицу.

— Ну, привет, служивый! Как это тебя занесло к дому родному в это лихолетье? — спросил односельчанин, прямо глядя в глаза сотника.

— Дела службы. Вот мимо проезжали, встали передохнуть, — смешавшись под взглядом Ивана, который по-соседски не раз угощал его в бытность мальцом конфетами и наказывал за шкодность, было такое — и таскал за ухо, когда, разгулявшись, шумели и дрались пацанами между собой.

— Дела службы, говоришь? Народ насильничать — это ваши дела службы? Злыдни!

Лоскуты вы от шубы драной! Народ мордовать — вся ваша правда! — прищурился глаза и насупившись, высказал сотнику Иван свою горечь.

— Ладно. Я пойду. Рад был свидеться с земляком, — смутился поначалу, но тут же разозлился Кондратий, потянулся было к шашке, но сдержался, набычился и только отвесил едва заметный поклон, крутанулся по-армейски и вышел из дома вон, крайне раздосадованный встречей.

По дороге вспомнил Кондратий, как из девчонки с длинными, нескладными, как у новорожденной телочки, ногами превратилась в ладную девицу Матрена. Так было это стремительно. Было ей четырнадцать — сидели, бывало, на бревне, что лежал у забора вдоль улицы под сиренью и лужгали семечки, говорили, много смеялись, а потом бежали к реке наперегонки, где на берегу над обрывом к толстой ветке тополя были подвязаны качели. Кондратий поддавался в беге, и Матрена успевала первая усесться на дощечку, и он раскачивал ее. Матрена звонко смеялась и парила над рекой в ритме раскачиваний, взмахивала своими длинными ногами в такт с качелями. Через год, едва к весне ей пришел пятнадцатый годок, Матрена вся соблазнительно округлилась да налилась. И теперь уже не просто было уговорить Матрену допоздна сидеть на бревнышке и качаться на качелях. С оформлением внешним, проявились и черты характера, повлиявшие на поведение. Из подружки Матрена для пацанов стала вдруг барышней, и такая красота и свежесть были в ней, что не налюбуешься.

Так вот Матрена изменилась за короткий срок и хотя избегала теперь встреч наедине, оказались они, тем не менее, одни на задворках в тихий июньский вечер. Случайно или нет, но случившееся было по согласию, в едином редкостном порыве, и было заметно, что Матрена ждала его, волнуясь. Обнял Кондратий Матрену. Был он постарше и знал уже, что с бабой в такой момент следует сделать, но каким-то невероятным усилием сдержался, а когда наваждение прошло, ощутил неловкость. Вдруг представил Кондратий отца Матрены. Суровый и мощный был этот человек. Охотник-медвежатник, грудь сундуком выпирала из-под рубахи, а ноги коротки и кривоваты, видимо, оттого, что с трудом несли по непростой жизни могучий торс. И вправду, через день, когда Кондратий шел мимо по-соседски, прихватил его за ворот баты Матрены и увлек за сарайку, где без предисловий прорычал:

— Матрену тронешь — прибью!

Кондратий смолчал. А что тут скажешь? Доложили, видать, деревенские наблюдатели, что лапал он Матрену за огородами. На деревне даже заборы и ставни имеют глаза.

Все видели, в какую красавицу выросла дочка Ивана. А юная дочь-красавица для отца — гарантированное беспокойство до самой свадьбы. Как бы не сбилась с пути.

Не тронул тогда Кондратий Матрену и не знал теперь — хорошо или плохо это для него обернулось. Тогда был шанс привязать девицу к себе, а теперь он безнадежно отстал и напрочь отвергнут.

После того памятного разговора с отцом Матрены вовсе отшибло всякие мысли думать о своем чувстве-страсти, что он испытывал к красавице-соседке. Но то, что горело когда-то в груди, никогда не прогорает без следа. В далеких окопах войны в Галиции Кондратий часто вспоминал мгновения того безмолвного откровения, что испытал он с Матреной. И, сидя в окопе, тихонько подпевал солдатам:

*Когда мы были на войне,
Когда мы были на войне,
То каждый гумал о своей
Любимой или о жене...*

И хотелось думать ему о Матрене так, как будто была она суженой, что обещала и ждала его. Были у Кондратия женщины — за время службы разных он встречал. Все в основном местные, безмужние-замужние женщины-солдатки, что порой сами искали навязчиво утешения с мужчинами. Но все эти женщины воспринимались только как собеседницы, с которыми можно, потолкавшись плотью, говорить о жизни, но не хотелось эту чужую жизнь переживать рядом.

IV

На краю деревни хлопнул выстрел, потом второй, и дружно в ответ залаяли собаки. Хватов выскочил из дома, едва накинув бекешу. Ему теперь больше всего не хотелось проблем и стычек с односельчанами. Навстречу Хватову бежали два казака из караула и, увидев сотника, выдохнули разом:

— Там нашего кончили деревенские. Кто убил, не знаем — убег. Слышали крик и стон, подошли, а там в проулке казак лежит в кровище. Похоже, вилами его, сердешного, в живот и грудь саданули. В темноте кто-то сиганул в сторону леса. Мы пальнули вслед, но как в белый свет — ушел, паскуда.

К Хватову и казакам из караула подошли другие казаки и, узнав о происшествии, тут же решили, что виноват муж той деревенской, к которой приставал убитый накануне.

— Сердюков Павел, — назвал имя Хватов, хорошо знавший мальчика Пашку в ту пору, когда уходил на фронт.

— А с чего решили, что он? Видели али как? — спросил один из казаков.

— А кому это еще треба? Обиделся, видать, что бабу его снасильничать то ли хотели, то ли снасильничали, — ответил неохотно один из караульных. — По всему видать, молодой был с вилами, тикал быстро и петлял, как заяц по тропе.

Разбушевавшиеся казаки, сдерживаемые Хватовым, вломались в дом и выволокли во двор Платона Сердюкова и его невестку. Сына Платона, как и ожидалось, в доме не нашли. Несмотря на вмешательство Хватова, старые казаки требовали наказать виновных, а коли сам виновный убежал, наказать его близких. Когда Хватов попробовал накричать на служивых, убеждая, что лучше тихонько завтра уйти, получив в деревне продукты и свежих лошадей, урядник Михей Никонов, мужик, в общем, спокойный, дыхнул в ухо Хватову горячим:

— Ты охолопись, сотник, а не то пулю словишь невзначай на переходе, как палить начнут. Мужики уже за столом обменивались, что нужно тебя наказать за то, что нагайкой огрел Степку вчерась так, что рука у мужика отнялась, — помолчав, Михей уже более мирно повторил: — Охолопись. Боюсь, дело до стрельбы дойдет. Пусть пар-то выпустят казачки, успокоят душу.

Пришлось Хватову дело пустить так, как оно развивалось. Он молча, сцепив зубы, смотрел теперь, как накинули вожжи на перекладину у сеновала. Отбивающегося и кричащего оскорбления Платона подтащили и, набросив петлю на его шею, дружно потянули конец и вздернули бьющееся в истерике тело сельчанина.

Бабы, невестка и жена Платона, в отчаянии кидались на казаков, прорвались к повешенному и теперь стонали в отчаянии у его ног, упав на колени. Казаки расступились и молча смотрели на причитающих в отчаянии женщин, и только некоторые из них, матерясь, несколько раз оттянули плетью по головам и спинам голосащих и ушли, озлобленные, неудовлетворенные наказанием, по своим дворам.

Деревня затаилась, спряталась, напряглась — даже дворовые псы примолкли. Хватов знал своих сельчан. Он подумал, что хорошо, что он не ввязался в акцию наказания, так как здесь в деревне оставались его престарелые родители и сестра. Он надеялся на благоразумие односельчан, но понимал, что для них все, что случилось теперь, еще обернется долгими въедливыми попреками и отольется горькими слезами.

К утру, когда было приказано собираться в дорогу, Хватов с группой казаков направился по богатым дворам, чтобы взять хлеб, сало, овес для лошадей. Такая договоренность предварительно была сделана и даже внесена оплата, правда, деньги нынче ценились плохо, и деревенский староста, скривившись, взял их с неохотой. Но общал, что переговорит с мужиками, и соберут они все, что просили служивые.

Теперь же ворота вдоль всей улицы были закрыты наглухо, а во многих домах с утра ставни вовсе не открывали: деревня заняла оборону. Хватов колотил рукоятью нагайки в ворота, но никто не открыл. Пришлось идти дворами и лезть через забор из жердей. Оказалось, хозяин был дома, насупленный сидел за огромным столом и на вопрос Хватова ответил, что деревенские плохо отнеслись к просьбе и почти ничего не дали.

— Так отдай, что привезли, — потребовал сотник, теряя терпение.

— Там у бани под навесом мешки с овсом. Сало возьми у меня — есть в запасе немного, к зиме кабанчика забил. Хлеб вчерась напекли — забирайте да уходите скорей, сказывают, мужики из деревни, те, кто с оружием пришел с войны, да охотники подались на займку. Сказывали — готовят вам на проводины всыпать, если не уйдете подобру-поздорову.

— Пугать взялись? — тут же взъялся урядник Никонов, вынимая шашку.

Староста ответил максимально миролюбиво:

— Зла множить не хочю. Лучше быстрее уйдите, меньше будет крови. По реке если начнут вас преследовать, далеко не сможете убежать, там только по льду реки идти можно, а с берега все простреливается, особенно со скал. Наши-то эти тропки все знают наперечет, поснимают вас, как глухарей, опомниться не успеете.

Собрав запасы, Хватов отправился в сторону дома, в котором жили офицеры из колчаковского руководства. Офицеры держались аккуратно, в сторонке от казаков, и теперь нужно было организовать их благородия для дальнейшей поездки.

Штабс-капитан Соколовский, подполковник Ракитский и полковник Лаврецкий, встретили Хватова молчаливо, насупившись. Первым раздраженно заговорил Ракитский, сухой, средних лет господин офицер из штабных холеных чиновников:

— Что там за переполох, сотник? Почему возникли трения с местными? Ты пони-

маешь, что нам теперь не дадут спокойно уйти до станции?

— Виноват, ваше благородие. Казаки выпили, распоясались малость. Но опять же — убили нашего казака зверски на краю деревни. Никак сдержать было нельзя казаков, — сцепив зубы, оправдывался Хватов, думая о том, что легко господам рассуждать и отчитывать его, просидев все время безвылазно в доме старосты. А каково ему было сдерживать пьяных и озлобившихся казаков.

— Когда выходим? — сгладил возникшее напряжение штаб-капитан Соколовский.

— Все взяли из продуктов, что смогли — на несколько дней хватит. Да и тащить большой груз с собой будет тяжело. Коней, которых требовалось перековать — перековали, трех коней поменяли. Тут пришлось заплатить хозяевам — выдали кое-какие монеты старого чекана. Бумажные кредитные билеты брать отказались наотрез — ученые, мать их ети! Понимают, что ничего эти бумажки уже не стоят. Выдвигаемся вскоре — собирайтесь, господа офицеры. Сейчас пришло казаков погрузить ящик с документами, и в путь.

V

Казаки, ощущая сгущающиеся над их головами тучи гнева деревенских, по приказу торопливо выстроились в колонну по два и ходко пошли к реке. Спустившись на лед, тронулись рысью вдоль берега по наезженной дороге. Но вскоре за деревянной дорогой закончилась, и пришлось передвигаться по снегу, которого было не более полуметра, а местами, где русло продувало ветром, был виден лед. Скакать стали помедленнее — лошадям было тяжело. Животные захрипели, закрутили головами, морды лошадиные покрылись изморосью, воздух из ноздрей выходил в виде клубящегося пара, пахло конским потом, а в воздухе висело тягостное напряжение. Все в основном помалкивали, слышались только возгласы, направляющие коней.

После деревни река тянулась, петляя вдоль скалистого высокого левого берега, правый же был плоским, заросший густым лесом. После двух часов пути, когда, казалось, можно немного облегченно вздохнуть и накал от ожидания нападения со стороны деревенских несколько спал, над головами громыхнуло нестройно. По льду, припорошенному снегом, хлестанула, словно плетью, картечь — утробно загудел лед, ему ответило эхо. Свинцовый заряд обрушился на скакавшего поодаль от сотника Хватова казака, и у коня сразу подломились ноги, он присел задком на лед и еще несколько проскользил по инерции, а потом запрокинулся набок и захрипел. Казак, что сидел на коне, схватился за развороченное зарядом лицо и свалился замертво.

Картечь и крупные заряды рикошетила ото льда, поднимая снежные вполыхи. Одна из пуль, судя по звуку при полете — крупный жакан, ударила в лед возле мерина Хватова и рикошетом угодила в конское подбрюшье. Животное рванулось, закричало от боли и, сделав скачок в сторону, пошло боком, заваливаясь на снег, покрывавший лед реки, тяжело с хрипами дыша, но все еще пытаясь взбрыкнуть и встать.

Хватов едва успел выбраться из-под упавшей лошади и теперь лежал за ней, отстегивал от седла карабин и, невольно косясь на вытянутую на льду конскую шею с бьющейся жилой и запрокинутую голову, отметил с болью, как страдает, истекая кровью, распластавшись на льду, его верный конь.

Стреляли с вершины скалистого крутого берега, на который прямым без веревки забраться было невозможно. Освободив карабин, Хватов стал бить, выцеливая мелькавшие между деревьев и камней на вершине скалы фигуры. Он понимал, нужно попасть хотя бы в одного из них, чтобы унять пыл нападавших.

Следовало уходить, но кто-то должен был прикрывать отход. Опытные воины, что собрались в отряде, и сами это понимали. Двое спешили и, прикрывшись уложенными по команде на лед своими лошадьми, стали бить бегло из карабинов в направлении вершины скалы, где то и дело мелькали головы стрелков. Вскоре на подмогу к спешившимся казакам подъехал казак с ручным пулеметом и, устроившись на льду, сыпанул смертоносным горохом по вершине скалы. Острые края скалистой вершины затянуло пылью от ударившего по ним свинцового града. На скале сразу притихли, попрятались, и наступила краткая тишина. Сотник вскочил на ноги и, выстрелив в очередной раз в направлении скалы, запоздало скомандовал:

— Прикрываете нас и отходите следом! Мы вас прикроем на отходе!

Хватов кинулся вслед отряду, и один из казаков, крутнувшись на своем скакуне, вернулся за сотником, и тот, уцепившись за седло, побежал за конем. Казак придержал коня, помог уставшему бежать следом сотнику забраться на круп и, с гиканьем нахлестывая коня, послал его вдогонку за основной группой всадников.

Теперь Хватов огляделся. Отряд тянулся нестройной колонной впереди, благополучно уходя из-под огня. Казаки погоняли коней, припад к гривам. Позади отряда последним скакал раненный казак. Он то заваливался на шею коня, то

отклонялся назад и уже почти вываливался из седла, но, борясь за жизнь, вновь наваливался на шею лошади, и было видно, что его серьезно достала пуля. Сзади Хватов насчитал двоих лежащих на снегу казаков, а их лошади кружились поодаль. Те двое, что остались прикрывать отход основной группы, постреливали, сдерживали активность нападающих, и было самое время их заменить.

Спешившись, Хватов стал стрелять в сторону скалы, где еще были видны суetyающиеся фигурки нападавших. То же самое делал и казак, что его подобрал, но, не сходя с лошади, а лихо, положив карабин на левую, согнутую в локте руку, бил, держа оружие одной правой. Оставленные для прикрытия казаки, поняв, что им дают возможность отойти, вскочили залихватски в седла и теперь ходко скакали вслед за отрядом. Один из казаков держал в поводе лошадь убитого в бою и, подъехав к Хватову, передал ему поводья.

— Как будто оторвались, но двоих потеряли, — констатировал один из подъехавших казаков, и все четверо кинулись вслед уходящему отряду, нахлестывая коней.

Повернув за выступ скалы на повороте реки, отряд окончательно вышел из-под обстрела. Повисшего на коне, истекающего кровью и уже умирающего казака сняли и положили на берегу. Пуля ударила его сверху в спину, пробила легкое, разворотила грудь, и солдат умирал, заливая седло и шею лошади кровью. Хоронить бойца не было ни возможности, ни времени.

— Сколько было нападавших, заметили? — спросил Хватов одного из казаков, что вели перестрелку с деревенскими.

— Три винта били и пара ружей. Одного я, кажись, завалил. Получается, то ли пять, то ли четверо осталось, — ответил опытный казак.

— Да. Видимо, так. Возможно, впереди нас еще ждут неприятности, — закончил подведение итогов скоротечного боя Хватов, понимая, что часть деревенских могла уйти вперед и готовит им новую засаду в самом неудобном месте. Возникал вопрос — в каком таком месте? Таких мест на реке было не счесть.

Двигаясь по руслу реки между скал, отряд казаков вышел на открытое место. Слева открывалось снежное пространство — очевидно, приток реки, укрытый льдом. Русло речки, петляя, раздвигало тесные прибрежные заросли и углублялось в гущу тайги. Вокруг притока стояли густо сосны и ели, и лесная таежная чаща выглядела неприступной стеной, тая черноту глубины лесных необъятных пространств. У слияния водных потоков, упрятанных ныне под лед, на берегу разместились несколько строений и приземистая бревенчатая изба за оградой. По всему было видно, что место обжитое: к строениям вдоль русла реки вела наезженная санная колея.

Казачий эскадрон, возглавляемый сотником Хватовым, двинулся к дому, рассчитывая что-то разведать и несколько передохнуть после скоротечного боя и перехода. Когда до изгороди осталось не более двух сотен шагов, из-за лесного массива у изгиба притока к Иркуту показалась совершенно неожиданно группа всадников числом в два-три десятка. Встречный отряд, очевидно, тоже не ожидал встречи и по команде встал. Было видно, как напряженно вооруженные люди вглядываются в движущихся по льду реки казаков, растянувшихся по узкой набитой копытами коней тропе.

Впереди отряда был сразу замечен человек в черном массивном одеянии — кавалерийской бурке, с черной окладистой бородой и в башлыке. Было видно, как он отдает команды, энергично размахивая рукой, как что-то говорит своему ординарцу, склонившись над ним, словно черный ворон над добычей, и тот, резко на месте развернув коня, помчался назад к лесу. Конь посыльного ходко затараторил по мерзлой дороге металлом подков, выбрасывая из-под копыт снег, и вскоре скрылся за поворотом. Затем бородатый поднес к лицу бинокль, внимательно высматривая движущихся по реке всадников, и снова стал походить на грозную птицу с сияющими глазами-окулярами, что оглядывает окрестности, готовясь кинуться камнем вниз и захватить добычу. Временами командир убирал бинокль от глаз и говорил, поглядывая на обступивших его всадников, и энергично жестикулировал рукой, в чем-то убеждая подчиненных и отдавая распоряжения.

Казаки решили ретироваться, не зная численность отряда и его боевого настроения. Было ясно, что это только авангард, а основные боевые силы на подходе. Хватов приказал казакам, приставленным к охране груза, и штабных офицеров во главе со штабс-капитаном Соколовским уходить по реке, не останавливаясь, не мешкая и не вступая в стычку. Эта группа успешно прошла открытый участок и скрылась за поворотом Иркуты. Оставшихся казаков Хватов развернул в сторону атакующих и отдал команду приготовить оружие.

Между тем замеченный отряд развернулся боевым порядком и поскакал навстречу. Можно было отметить, как энергично и властно направил своих подчиненных взмахом руки их предводитель в черном одеянии. Теперь он скакал впереди отряда на

белом красивом скакуне, а над его головой яростно и грозно засверкал клинок шашки. Башлык на скаку соскользнул с головы командира, и теперь с непокрытой косматой головой он летел без страха навстречу схватке. В повадках всадника чувствовался умелый наездник — так уверенно, играючи он правил конем и властно звал за собой подчиненных. Вокруг всадника в черном одеянии скакали другие, не менее экзотично одетые наездники. Были тут персонажи в татарских малахаях, остроконечных меховых шапках, в кавказских папахах, полушубках разного фасона, с развевающимися башлыками и все с искаженными криком лицами. Над несущейся плотной массой конников нестройным лесом колыхались лезвия шашек.

Хлопнули первые выстрелы со стороны наступающих. Казаки, вскинув карабины, дружно ответили. Среди атакующих казаков всадников появились первые жертвы: один из коней на скаку споткнулся и завалился, на другом коне всадник вывалился из седла и, нелепо вскинув ноги, рухнул на снег.

«А-а-а-а!» — неслось нестройно навстречу казакам. Внимание привлекал и произвел на казаков тягостное впечатление стяг над головами атакующих. Флаг был черным с тяжелой бахромой, словно от театрального занавеса, и на развевающемся полотнище был виден начертанный серебром череп и скрещенные под ним кости.

— Анархисты, — отметил Хватов и вспомнил разговор с местными под Иркутском, что есть такой эскадрон у красных, состоящий из анархистов Нестора Каландаришвили, сплошь состоящий из уголовных отморожков самых разных национальностей, прибывших к его отряду в долгих рейдах по Забайкалью и Приангарью. Об отряде «красных анархистов» много говорили в войсках, отмечая отчаянность и жестокость «раскосой» банды.

Атака стремительно развивалась, и казаки ничего не нашли лучше, как пуститься прочь от наступающих их всадников, на ходу отстреливаясь. Хватов понимал, что его эскадрон могут просто вырубить стремительным наскоком во фланг, и приказал строиться в боевой порядок. Но атакующие настигли уже казаков на развороте при перестроении и врубились в гущу. Послышались глухие удары сшибленных конских тел, звон скрещенных клинков, тяжелое сопение, ржание и топот коней и, по своей сути, нечеловеческий вой, визг и грубый мат на разных наречиях. Под сбившимися в смертельный клубок конями и всадниками загудел утробно лед реки.

Хватов крутился на своем коне, отдавая команды, когда к нему подлетел с искаженным от крика лицом косматый азиатской внешности всадник в причудливом малахае с занесенной шашкой. Нападавший отчаянно визжал, широко раскрытыми глазами буравя противника. Сотнику удалось пришпорить коня, отклониться и уйти от прямого столкновения. Конь нападавшего ударил лошадь Хватова грудью в круп и едва не опрокинул. Получив удар, конь присел на задние ноги, устоял, но его развернуло так, что сотник совсем рядом увидел нападавшего на него то ли киргиза, то ли китайца. Даже пахло табаком, чесночным угаром и прокисшим запахом немытого тела. На одно мгновение противник Хватова оказался не защищен, и этого краткого времени хватило: занесенная над головой шашка, сверкнув при свете угасающего дня, обрушилась на косматую голову анархиста сзади. Удар вышел неловким и неточным, голова азиата уцелела, но наконечник лезвия рассек ворот халата и шею несчастного. Тело нападавшего обмякло, и он завалился, хрипя, набок, раскинув руки, пытаясь на прощание обнять весь мир. Кровь из раны хлестанула струей, заливая тело всадника и шею коня.

«Зацепил-таки», — пронеслось в голове Хватова. Клинок выпал из сжимавшей его еще мгновение назад мертвой хваткой руки атакующего анархиста и ткнулся беспомощно в снег. Конь, почуяв кровь и то, что наездник уже не правит им крепкой рукой, теребя и натягивая поводья, рванулся в сторону, неся на себе беспомощного седока, у которого безвольно болталась голова на подрубленной шее.

Всадник-атаман в черной бурке, с огромной смоляно-черной окладистой бородой, смело ввалился в схватку, опрокинув на лед реки первого попавшегося на его стремительном пути казака мощным косым ударом, и теперь, не теряя темпа, рубился с другим, умело отбиваясь и нападая. Кони крутились, вытаптывая снег, кося на выкате глаза, скаля зубы и тяжело выдыхая раздутыми ноздрями горячий воздух. Белый жеребец под черным всадником вытянул шею, оскалился и стал кусать коня противника, демонстрируя свое полное боевое единение с хозяином. Вдруг хлопнул непонятно откуда дымный на морозе выстрел, пахло серой, и было видно, что пуля зацепила всадника в черном. Он дернул плечом, лицо его перекошилось от боли, и атаман завалился на шею коня. Верный выученный конь тут же вывалился из гущи бьющихся между собой казаков и красных кавалеристов на открытое поле и, перебирая ногами по снегу, пошел в сторону от места схватки.

Всадник, который только что вел схватку с атаманом и вывел его из боя, воодушевленный победой, кинулся к бьющимся рядом. Это один из казаков отбивался

от наседавшего на него мужика в папахе и серой бекеше. В нападавшем сразу угадывался кадровый военный, так все на нем было ровно подогнано и выглядело уместным и удобным для боя. Бился всадник в папахе очень умело и даже мастерски и вот-вот должен был вынести из седла казака. Но ему это сделать не удалось. Подскочив сзади, казак, одолевший атамана скрытым выстрелом из маузера, рубанул шашкой по спине наседавшего на его товарища наездника. Натянутая на спине бекеша лопнула, и страшная рана вдоль тела наискосок мгновенно наполнилась кровью и надломил всадника, и он, дернувшись, выгнулся и завалился назад. Папаха свалилась с русой стриженной головы, и в суматохе боя могло показаться, что это сама голова отделилась от безжизненного тела.

Такие отдельные стычки случились повсеместно. Казаки крутились на взмыленных переходом конях, отбиваясь от наседавших анархистов. Снег обильно окрасился кровью. Над полем боя клубился пар. То тут, то там лежали зарубленные всадники, а кони, оставшиеся без седоков, вконец ошалевши от запаха крови и тесной сутолоки, уносились от места боя, взбрыкивая и оглашая ржанием долину реки, протестуя против непонятной и не принятой ими жестокости и убийств.

Казаки, потеряв несколько человек, тем не менее, устояли и отразили первый наскок и сразу, не мешкая, потянулись, отстреливаясь вдоль берега по руслу реки вслед ушедшим ранее вверх по реке казакам с грузом и офицерам. Нападавшие прекратили натиск, отметив, что их атаман покинул место рубки, навалившись на шею коня. По свесившейся слабой руке в снег стекала кровь. К Нестору подъехали его подчиненные с обеих сторон и стали поддерживать, направляя коней в сторону строений на берегу реки. Посутившись на месте рубки и подобрав раненых, всадники потянулись следом за командиром и его сопровождающими всадниками.

Нестор получил пулю в левое плечо и направился в сопровождении сослуживцев к дому, что стоял у реки. За ним следом подъехали его верный ординарец лезгин Кура и помощник китаец Наньфу. Оба были обеспокоены ранением Нестора и, соскочив с лошадей, помогли раненому спуститься на землю. В доме, в котором ютилась семья местного отшельника и пасечника Гурьяна, Нестора уложили на кровать, и хозяин дома, человек с навыками травника, промыл рану, приложил распаренный травяной сбор и туго перевязал пробитое плечо. Нестору сразу полегчало.

Гурьян был из староверов, но, разругавшись с единоверцами, перебрался от них через реку и поселился в выстроенном на слиянии рек доме и выживал теперь с семьей среди тайги, изредка наведываясь в обитель и Шаманку.

Пуля прошла навывлет, повредив плечо, но кости остались целыми. Было понятно, если не будет воспаления, рана затянется, и все в основном наладится достаточно скоро. Пасечник обнадежил, что промывание раны настоем чистотела с набором трав не даст развиваться воспалению и уже завтра боль отступит, а через пару недель и вовсе все будет почти как прежде. Нестор приободрился и дал указания своему помощнику — неистовому Наньфу преследовать казаков.

— Больно шибко огрызаются, надо бы подождать подмогу на тачанке, — картавя и коверкая слова, посетовал китаец.

— Упустим, пока ждать будем, нужно идти за ними след в след и выщелкивать по одному. С реки они в тайгу не сунутся, там снега еще по пояс. А на реке они как на ладошке. Давай, Наньфу, не тяни, отправляй людей за ними. Отправь группу с пулями в обход, чтобы встретили казачков выше по реке, — жестко возразил и дал наставления Нестор, пристально прессуя взглядом своего помощника черными на выкате глазами с ослепительно белыми белками.

— Хорошо, Нестор, — смиренно ответил Наньфу, зная уже, что если Нестор принял решение и дал указания, спорить с ним не стоит. Наньфу низко кивнул и вышел из дома пятясь, оставив Нестора на попечение хозяина. Гурьян, отметив, что атаман разобрался с делами, взялся потчевать его медом.

— Тут у меня улья стоят на косогоре. Самый солнцепек — в июле просто редкостная русь — поляна все лето полна солнца и разнотравья. Травы цветут невероятно обильно и самые редкостные виды — в июле до того тепло, ароматно от цветов. Я медок с этой поляны не могу сравнить ни с одним другим. Просто целебный медок получается. Свежим, сразу после сбора, подышишь только и уже здоровеешь на глазах. А то, как напластаешься за день по хозяйству — чайку с иван-чаем и медком попьешь с вечеру — спишь без ног, а утром сил — закрома ломаются. Вот похлебайте отвар с медком и завтра уже сможете скакать, — делился с Нестором пасечник.

— Чай давай — я это с удовольствием. Давненько я медком не баловался. Повезло мне угодить под пулю у твоего дома, — уже веселее отвечал пасечнику Нестор, скаля в улыбке белые, совсем еще молодые зубы.

Отряд Нестора тем временем, определив в дом еще двоих раненых, отправился по следам уходивших от них казаков по реке. Казаки неспешно отступали, растянувшись

вдоль берега нестройной группой. Один их последних, боевой казак Сотников, замыкал строй и, изрядно поотстав, вертелся на своем сером жеребце, постреливая в сторону красных анархистов навскидку из карабина. При стрельбе конь под Сотниковым приседал и замирал — выученная боевая лошадь давала возможность стрелять более прицельно. Пальба не давала быстрого результата из-за большого расстояния, но одна из пуль все же догнала всадника из отряда красных анархистов, и тот вскинул руки и завалился на круп своей лошади. Отметив попадание вскинутой рукой с карабином, Сотников кинулся вдогонку за своими, что уже скрывались на скалистый мысок, поросший кустами и подступающими к реке елками.

Раздраженные стрельбой и смертью товарища, красные анархисты вдруг дружно остановили отход и, развернувшись в сторону казаков, открыли шквальный огонь. Пули засвистели густо, но показалось, что вся эта затея красных анархистов — просто пустое бешенство, как одна из пуль достала-таки лошадь Сотникова, и она повалилась, виновато кося глаз на своего наездника, а затем и вовсе откинулась в снег, суча ногами, скаля зубы и вытягивая шею. Сотников, скатившись умело с падающей лошади, чтобы не придавило ноги, все же крепко ударился о лед головой и на несколько десятков секунд потерял сознание. От анархистов тут же отделился всадник в черном одеянии, в огромной косматой папахе и лихо понесся по заснеженному льду к упавшему.

Когда Сотников сумел, очнувшись, привстать на колени, выискивая еще блуждающим, нечетким после удара о лед взглядом потерявшийся в снегу карабин, всадник в мохнатой кавказской шапке был уже рядом и скалил, держа в руке занесенную для броска кавалерийскую пику. Казак только и успел, что осознать гибельность своего положения, как брошенная на всем скаку пика пронзила его насквозь, ударила о лед острым наконечником, высекая окровавленные куски льда. Сотников завалился набок, несколько раз дернулся всем телом, засучил в конвульсиях ногами и замер, прикинув к заснеженному льду горячим своим лицом.

Кавказец с диким криком атакующего добычу коршуна лихо соскочил с коня и подбежал к сраженному врагу и взялся вытаскивать увязшее в теле копые. Пика подавалась плохо, и кавказец скалил в напряжении зубы, упирался в тело казака ногами и свирепо выговаривал что-то бессвязное, злое на своем наречии, глядя в бледнеющее лицо поверженного, но еще, вероятно, живого казака.

В это время друг сгинувшего на глазах боевых товарищей Сотникова Степан Крикун резко развернул коня и спешился. Отстегнув притороченную к седлу трехлинейку с оптикой, Степан присел у камня и, уперев ложе винтовки, стал выцеливать торжествующего над убитым другом кавказца. Тот вырвал из убитого свою пику, лихо вскочил на коня и теперь скакал назад, торжествуя и потрясая смертельным оружием. Оставалось ему уже совсем немного, каких-то несколько десятков шагов до группы анархистов, как грянул раскатисто одинокий выстрел, и кавказец резко кивнул и рухнул на шею своего разгоряченного скачкой коня. Пуля вошла в шею сзади под самой надвинутой на затылок папахой и вышла впереди, разорвав шею убийцы Сотникова. Смерть была скорой, практически мгновенной. Кавказец захрипел на вдохе, выронил пику и упал следом за ней на снег, отпустив поводья и раскинув руки.

Стоящие анархисты были обескуражены увиденным, но быстро придя в себя, открыли беспорядочную, истерическую стрельбу в направлении казаков, не видя сидящего за камнем Степана. Казаки нестройно ответили, остановив отступление и сгрудившись на своих конях поодаль, прикрывшись редким леском на мысу и сгущающимися сумерками.

Пока шла перестрелка, к убитому кавказцу подъехал китаец Лиу, соскочил с коня, преклонил колени над телом своего недавнего товарища и ловко отстегнул шашку в серебряном уборе ножен — трофей, добытый при набеге на поезд, в котором оказались несколько офицеров. У одного из захваченных была богато украшенная серебряной шашка. Кадровых военных тут же поставили лицом к железнодорожной насыпи и спешно расстреляли, обобрав тела убитых и разжившись дорогим оружием. Овладев трофейной шашкой в серебряном обкладе, совершенно счастливый китаец влез на коня и умчался под укоризненными взглядами товарищей, то ли осуждающих поступок Лиу, то ли жалеющих, что дорогое оружие досталось не им.

Степан, отомстив задруга, окинул взглядом место боя, тело своего убитого товарища и, дождавшись окончания разгоревшейся перестрелки, привязал к седлу успешную свою трехлинейку. Еще раз глянув в сторону убитого друга, тяжело взгромоздился усталым телом на коня и поскакал рысцой вслед удаляющемуся эскадрону.

Потрепанный в схватке с анархистами Нестора отряд казаков спешно, как это было возможно, уходил вверх по реке. Иркут в этом своем русле спускался с предгорий и то телесил между скал, то протекал между обширных распадков. В таких местах тайга в плотную подступала к воде. Ускакавших вперед штабс-капитана Соколовского с группой казаков охранения и господ офицеров из штаба Колчака с сопровождающими

их казаками вступившая в схватку часть казаков догнала через пару часов скачки, и отряд теперь двигался плотной группой. Численность его после перестрелки и схватки поубавилась, и настроение у казаков было тревожное. Многие наводило на мысль, что впереди еще ждут новые испытания, непредвиденные потери, и только сгущающиеся сумерки давали надежду на некоторую передышку.

Что же, такова казачья доля — пуля да неволя, а неволя хуже смерти лютой.

В надвигающейся темени казаки вышли к наледи. Река в этом месте делала поворот, а резкий перепад высоты вдоль русла сформировал перекат. Летом в этом месте русла река грозно шумела, множа тугие струи меж валунов, а теперь подо льдом вода бесновалась, прижатая сверху наледью. Поток во всю ширину русла дыбилась ледяными ухабами и сверкающими при свете вывалившейся из-за отвесной скалы луны глыбами, под которыми порой просматривались иссиня-черные камни, а через промоины во льду была видна смоляная, казалось, тягучая в темноте, гремящая по камням вода. Зимой из-за быстрого течения стремнина на перекаате не замерзала окончательно и в лютые морозы. Шел непрерывный процесс намораживания корки на камнях, создавалась ледяная преграда причудливых форм. Вода, встретив препятствие своему свободному бегу меж камней, шумно неслась по верху ледового полотна, прорываясь под напором, и промывала лед, формируя, конструируя и непрерывно меняя форму наледи. Место это было опасным: припорошенное снегом скрывало промоины — в них можно было угодить, что и случалось порой и сулило неудобье и даже погибель.

У другого берега реки скалы у переката плотно прижимались к воде. Стремительный поток у скалистого берега метался между скалой и льдом, промывая полупрозрачную толщу льда, и здесь отчетливо слышался рев несущейся воды. В результате пройти по льду и руслу реки через перекаат было невозможно, и требовалось сделать дальний обход вокруг наледи по берегу среди огромных валунов и редкого кустарника.

Авангард отряда, не разобравшись в сгущающихся сумерках, попытался с наскоку пройти наледь и тут же поплатился: кони заскользили и стали падать, калеча себя и седоков. Пришлось уходить с твердого льда в сторону полого берега и пробивать дорогу через глубокий снег, порой до пояса, двигаясь в обход возникшего переката. Коней вели в поводе, нащупывая дорогу среди камней и поваленных стволов упавших деревьев. И люди, и кони выбивались из сил. Когда до окончания гиблого места оставалось совсем немного и уже был виден в надвигающихся сумерках гладкий ровный заснеженный лед реки, позади на подступах к порогу были замечены преследующие казаков кавалеристы Нестора Каландаришвили.

Разгоряченный погоней, разношерстный отряд анархистов подскочил к перекаату, и все они, кружась на своих конях, взялись беспорядочно и нестройно стрелять в сторону отходящих за речную наледь казаков. Укрыться было негде, и казаки тут же понесли новые потери: завалился в снег со смертельным ранением казак Хопров, осел у своего коня, охнув, урядник Запашный. Замыкающие строй казаки заняли оборону и стали выцеливать мечущихся на конях перед порогами анархистов, бегло отвечая на нестройные залпы. Те несколько сбавили натиск, но было замечено — группа всадников пошла в обход по окраине леса, чтобы ударить сбоку по отступающим казакам, используя изгиб реки, а те, что остались на льду, наседали решительно с нахрапом. И могло уже показаться, что вот-вот выскочат из глубины заснеженной тайги настырные воины Нестора, как невеста откуда налетел резкий ветер и плотный снежный заряд. Окрут боевой стычки затянуло так, что не было видно и в нескольких шагах. Колючий снег хлестал в глаза, слепил, не давал прицельно бить из оружия. Воспользовавшись разыгравшейся на несколько минут пургой казачий арьергард, уложив раненого Запашного на коня, споро, разгребая снег, ушел из-под огня.

Потолкавшись, вытаптывая и разбрасывая снег, галдя на разных наречиях, следом сунуться в потемках по узкой натопанной среди редколесья, уже полузанесенной снегом тропе анархисты более не решались, и на том противостояние беспокойного дня как будто стало угасать. Как вдруг впереди с фланга от леса застучал частой дробью пулемет, ударили винтовки и карабины. Это обошедшие по берегу анархисты встретили отходящих белоказачков и за несколько минут в упор, укрываясь в лесу, покосили почти всех. Когда Хватов и группа отставших казаков выбрались на ровный лед, перед ними предстала ужасная картина поражения. На льду лежали мертвые тела, и несколько лошадей без всадников кружились в сторонке. Назад отступить было нельзя, и оставалось только прорываться вперед. С фланга пока молчали, и Хватов, отдав команду двигаться вперед из последних сил, прищпорил коня.

Хватов припал к шее коня и, опустив вниз руку с обнаженной шашкой, резво шел наметом. Конь, что достался ему после обстрела с берега реки, оказался выносливым и даже к концу утомительного дня еще был резв. На скаку Хватов видел страшные последствия разгрома: на снегу лежали его товарищи и упавшие на скаку кони,

сраженные огнем из чащи леса. Хватов отметил, что некоторые еще были живы и пытались ползти в укрытия от пронзающего все живое, вызывая всполохи снега, кинжального огня пулеметов. Остановиться и даже оглянуться и увидеть тех, кто скакал за ним, не было возможности — требовалось как можно быстрее проскочить простреливаемый участок русла реки и смотреть внимательно под ноги коня, направляя его между торчащих изредка камней и возможных промоин. Когда уже река сделала поворот и пули перестали свистеть над головой, Хватов увидел сидящего на снегу подполковника Ракитского. Офицер был ранен, и его бледное лицо выражало боль и страдание. Подполковник сидел, опираясь на огромный валун, вмерзший в лед реки, а рядом еще сучил ногами и истекал кровью его конь.

Хватов резко сдержал коня, и тот, останавливая бег, заскользил подковами о лед, слегка присев на задние ноги. Хватов соскочил на лед и склонился над Ракитским. Подполковник был перепачкан кровью, выбитое при падении плечо офицера было вывернуто, и рука, вероятно сломанная, висела плетью.

«Повредился, падая с подстреленным конем на лед», — подумал Хватов и, обхватив Ракитского, потащил его к своему коню и помог взобраться в седло. Сам Хватов, понукая коня, побежал рядом, держась за стремя, а когда уже отошли от погибельного места, Хватов с камня с трудом взобрался на круп коня, и полные отчаяния Хватов и бессильно повисший на шее коня Ракитский тихонько направились к скалистому левому берегу, в расщелинах которого можно было найти путь к спасению. Навалившаяся темень давала им шанс скрыться незамеченными.

Между скал они нашли распадок, заросший кустами. По узкой щели между скал к реке спускался ручей, теперь совсем занесенный снегом, и только высоко над головами можно было видеть активность падающей с высоты воды: наледь отсвечивала бледным светом луны, и едва слышался шум падающей подо льдом воды.

Коня пришлось отпустить. Шепнув слова благодарности, еще мгновение удерживая шею боевого товарища, спасшего его в смертельной схватке, Хватов слегка ладонью толкнул его в шею. Конь не понял еще команды и стоял, устало понунив голову, а затем отошел, выискивая что-то съестное и обнаружив засохшую траву, торчащую у скалы из-под снега, взялся рвать ее, подергивая головой и пережевывая.

Хватов и поддерживаемый им Ракитский двинулись вверх по распадку, скользя и обходя камни и кустарник.

VI

На вершине скалы свирепствовал резкий пронизывающий ветер. Хватов с Ракитским укрылись между огромных валунов и отдыхали после тяжелого подъема. Воодушевление от того, что удалось вырваться, казалось, из безвыходного положения — уцелеть в схватке, что устроили красные за изгибом реки, прошло, но холод давал о себе знать.

Ракитский сидел, прислонившись к валуну и прикрыв глаза, — его колотила дрожь. Добротная шинель не спасала от холода, а тяжелейшая травма не давала себя забыть, откликаясь на каждое движение болью. Хватов подвязал сломанную руку подполковника и предложил идти в лес, где ветер должен быть потише, а главное, нужно двигаться, иначе можно просто замерзнуть.

Сотник хорошо знал местность и помнил, что здесь недалеко от излучины реки должна быть дорога к поселению староверов, которые поселились в этих местах, гонимые властью. Эта малоприметная дорога вела от Шаманки к поселению староверов через тайгу, а обогнув скалы вдоль берега, через двадцать верст дорога приходила именно к излучине реки, несколько выше по течению притока Иркуты. Теперь им нужно было пройти через лес и выйти к этой дороге, тогда путь к поселению староверов будет короче и гораздо более легким. Прибыли староверы в эти места давно и периодически появлялись в Шаманке, когда была нужда прикупить припасы для охоты, продукты, ткани для шитья. Приходили, неохотно общались, но к себе в поселок мало кого допускали, — так и жили уединенной жизнью затворников.

Ракитский на призыв Хватова с трудом поднялся и неуверенно зашагал за ним, стараясь ступать след в след, демонстрируя животное желание спастись в сложнейшей для него ситуации. Казалось, что сил идти и терпеть боль уже не осталось вовсе, но другого пути выжить не осталось. Полагал подполковник, что, если он не сможет идти, Хватов, вероятно, его оставит и уйдет один.

В лесу было совсем тихо, но глубокий покров снега не позволял идти быстро. Пробивались, увязнув в снегу порой по пояс: Хватов топтал тропу, волоча набитый тяжелый вещевой мешок, а Ракитский тяжело ступал следом. На душе стало полетчи, ушли на задний план беспоконные мысли о случившемся накануне в пещере и тревоги о том, что ждет их впереди. Взамен отчаянию появилась робкая пока еще надежда на

спасение.

Вскоре вышли на дорогу. Присыпанный снегом путь через лес использовался нечасто, но было видно, что недавно по нему проехали на санях. Идти стало намного легче, и, делая остановки, Хватов и Ракитский уже в темноте вышли к разбросанным среди деревьев крепким избам. Над крышами домов струились дымы, где-то на другом краю поселения подвывал дворовый пес.

Хватов постучал в калитку в глухом заборе из широких струганых потемневших от времени досок, и в глубине двора забрехала собака, ей в отдалении ответила другая. Вскоре стукнула дверь, снег заскрипел под чьими-то ногами, и калитка отворилась. Во входном проеме стоял подросток с фонарем, а сзади него бородатый мужик в накинутом полушубке с наведенной на пришельцев берданой.

— Чьи будете? — мужик буровил Хватова взглядом своих, казалось, черных в темноте глаз, упрятанных под кустистыми бровями и натянутой на глаза меховой шапкой.

— Помогите, со мной раненый. На нас напали. Нам нужна помощь, — проговорил, уже теряя остатки сил, Хватов.

Мужик молчал и продолжал смотреть пристально на Хватова. По всему было видно — думает и решает, как поступить верно в данной ситуации.

— Ладно, Мишутка, впускай гостей, там разберемся, — наконец среагировал мужик и отошел в сторону, пропуская во двор офицеров.

В избе было две женщины: одна хозяйка средних лет, спокойная и рассудительная с пристальным взглядом светлых совсем глаз, в теплой опрятной кофте, а вторая молодая еще совсем, похожая на хозяйку, по всему видно, незамужняя ее дочь.

Хватов ввел в дом под руки совсем обессиленного, постанывающего Ракитского и усадил его на лавку у печи. Сотник с порога оглядел избу, в сумраке помещения отметил образа господни в углу, нехитрую деревенскую мебель и беленую печь, от которой веяло теплом. Рядком у большого обеденного стола стояли женщины и испуганно глядели на пришельцев. С печи выглядывали любопытные глаза двух ребятишек. Дети во все глаза рассматривали гостей, а получив от взрослых выговор, спрятались за занавеской. Оглядев прибывших и отметив, что один ранен, а второй едва стоит на ногах от усталости, женщины помогли раздеться и усадили на лавку отогреваться, прислонив спиной к горячей стенке печи. Вскоре собрали на стол наскоро еды, что осталась от ужина, и предложили покушать, не забыв налить по полстакана самогона.

Девушка по имени Лиза взялась делать перевязку Ракитскому. Подполковник, отогревшись у печи, после выпитого самогона совсем раскис и теперь только стонал, когда отдирали прилипшую ткань к открытой ране на руке. Лизавета с помощью матери справилась с перевязкой, и, обтерев мокрой тряпицей лицо, грудь подполковника, уложили его высокоблагородие спать тут же на расстеленном у самой печи полушубке. Теперь Ракитский был перебинтован свежей тканью, а хозяин сладил две легкие дощечки, отципнув ловко от полена, для фиксации перелома. Подполковник сразу уснул — забылся тяжким беспмятством, согревшись и расслабившись впервые за последние сутки.

Хватов объяснил хозяину, кто они и куда держат путь, не вдаваясь в детали. Заговорили о раненом. Хватов сразу стал объяснять, что Ракитскому с ним не дойти, а оставаться он сам не может, и попросил приютить офицера российской армии, до тех пор пока тот не придет в себя. Хозяин дома Корней на просьбу скривился:

— А как красные придут? Что я им расскажу про раненого? У него на лице ясно прописано, каких он кровей.

— Ну помоги! Видишь — выхода совсем нет. Куда я с ним, — стал просить Хватов, понимая, что только уговором, без нажима, поддавливая на жалость и сострадание, можно решить вопрос. Хозяин стал было снова отказываться, ссылаясь на то, что сами едва сводят концы и потом, если красные придут и найдут офицера, их наверняка накажут. А времена нынче суровые — выведут за двор и пристрелят у канавы.

— Ладно, Корней, что-то ты раньше времени дрожать начал за свою шкуру. Живы будем — не помрем, помрем — воскреснем, и каждому воздастся по делам его! Забыл? Переодень его, спрячь. Скажешь, родственник больной пришел в мороз — не гнать же его со двора, вот и все дела. А своих сельчан попроси, чтобы прикрыли. Вас тут немного, я думаю, не сдадут. Слыхивал я, народ вы дружный, — не сдавался сотник.

— Надобно посоветоваться с нашими. У нас тут такие дела не делаются поодиночке, ведь если что — подведу всех под гнев и немилость, — стал поддаваться на уговоры Корней.

— А вот и поговори. Поможешь собраться? Какое-никакое пропитание дашь? Я малость отдохну и уйду.

— С этим поможем. Все же христиане мы, а не лешие какие бусурмане али немчура — сострадание имеем.

— Вот и спасибо тебе, Корней.

— А куда пойдешь-то по зиме, по тайге? Снегу нынче не так много, но в тайге бывает и по пояс. Иль по реке пойдешь?

— Думаю к Байкалу я выйти. Знаю, тракт здесь есть напрямки. Теперь-то по нему ездят или как? — стал выпрашивать Корнея Хватов.

— Тракт есть. До Байкала верст шестьдесят будет напрямком, однако. А по тракту ездят теперь редко: забросили, как построили железную дорогу на Байкале. Зарос, поди, так что возьми лыжи у меня. По дороге, по глубокому снегу добежишь ходко. На лыжах-то умеешь ходить? Вижу, ты как бы из простых, не из господ? Многое, поди, умеешь? Охотник никак?

— Да, я местный. Из Шаманки. Наверное, слышал — Хватовы мы. Там у меня и батька с мамой еще живут.

— Эко, братец! — уже бодро среагировал на известие Корней и улыбнулся. — Конечно, знаю. Так лавка у вас в Шаманке. Справный хозяин твой батька. Не раз у него закупал припасы. Бывало, договаривались и подешевле взять. А ты, выходит, с войны как бы воротился, а пристать к дому-то не выходит?

— Не выходит, Корней. Не дают мне пристать к родному двору.

— Я те че скажу-то. У меня на станции Маритуй, что на железной дороге на берегу Байкала, знакомый обходчиком работает. Свояк, считай. Добротный мужик — мы с ним с детства знакомы. Ты к нему зайди, как придешь на берег. Отдохнешь у него, и он подскажет. Может, на поезд сядешь, а может, и через Байкал на ту сторону пешком уйдешь. Зовут его Игнат Банщиков. Он там давно живет, его все знают. Спросишь — покажут. Только вот если там уже красные, очень опасно будет. По льду далеко не убежешь — это тебе не тайга — на пять верст видно округ на льду.

— Ладно, Корней, спасибо. Мне кажется, мы с тобой столковались?

— Да как не сговориться, коли ты наш. Вот поеду в Шаманку, так бате твоему расскажу о тебе. Глядь, и он мне чем поможет.

— Вот спасибо, Корней, выручил. А батя, он, конечно, поможет. Свидишься — обо мне скажи — он все сделает.

Переночевали, а с утра Кондратий взялся за сборы, чтобы идти в сторону Байкала, понимая, что следует спешить, ведь красные могут нагрянуть к староверам в поисках оставшихся в живых казаков. Попрошавшись с Ракитским, Кондратий обратился к Корнею:

— Я тебя прошу, приглядите за подполковником. Он человек заслуженный, важный. А я непременно за ним вернусь или кого отправлю, как в этот край возвратимся с войсками — смотри не подведи. Вот немного денег тебе оставляю, если что, пригодятся.

— Будь спокоен, Кондратий, мы все сделаем, как просишь, — на строгие слова Хватова спокойно ответил Корней. — В сенцах лыжи я приготовил, возьми их. На лыжах по лесу сподручнее. Лыжи старые охотничьи, мехом подбитые. Ты на них легко пойдешь. Да помни — друган мой, что обходчиком на станции Маритуй работает, живет у дороги в домике, что у моста и речки. Там сразу разглядишь и напрямком иди к нему, по дворам не шастай. Вот тебе собрали в дорогу припасы, — уже совсем потечески напутствовал Хватова Корней и протянул поднесенные женой, уложенные в полотно хлеб, сало, несколько луковиц и головку чеснока. А это я пишу своему свояку отписал, чтобы он не сомневался, что свой человек, важный, стоящий к нему зашел. Отдашь и привет мой с собой принесешь ему. Ну, с богом, казак. Впереди у тебя много еще испытаний. Счастье — оно бесечно, а в горести мы все труженики и подвижники. Сил тебе и божьей помощи.

— Спасибо тебе, Корней. Душевный ты человек. Такие теперь редко встречаются. Народ шибко огрубел и даже чуток озверел, — растрогавшись от заботы, ответил Хватов и, приняв угощение, быстро собрался.

Стоя уже в дверях, Кондратий кивнул в последний раз спящему у печи Ракитскому, перекрестил его и вышел во двор. Корней провожал молча и, только когда Кондратий открыл калитку, перекрестил его в дорогу и склонил голову в поклоне. Хватов этого не видел, прикрыл за собой калитку, ловко приладил лыжи и тяжело, поначалу принаравливаясь, заскользил по дороге к лесу.

VII

Хватов хорошо помнил тракт, что был пробит в тайге в пору строительства Кругобайкальской железной дороги. По расчищенной просеке возили в основном лес для строительства: бревна да доски, которых требовалось много для сооружения опалубки, постройки домов на станциях и хозяйственных помещений.

Добравшись до реки, прочертив лыжный след по льду поперек русла, Хватов вышел вскоре в то место, где начинался тракт через тайгу к Байкалу. Тракт был завален

снегом. Старая дорога, как закончили стройку и началась война, мало использовалась и изрядно заросла молодым ельничком да кустарником. Идти же по проторенной в тайге дороге было не в пример сподручнее, и, принаоровившись, Хватов лихо скользил по снегу, вспомнив навыки, приобретенные в долгих походах по тайге на охоте.

Путь был неблизким, и пришлось к ночи остановиться и заночевать. Несколько тонких лиственниц, сухих до звона, удалось уронить без топора и, привалив их к упавшему когда-то дереву, развести хороший костер. Навалив лапника у огня, соорудив навес из веток ели, Хватов забылся в тяжелом сне, вдыхая аромат разогретой у огня хвои, и поутру, перекусив поджаренным на костре салом, попив кипятку с еловым отваром, отправился дальше.

К вечеру следующего дня, уже в сумерках сотник вышел к высоченному обрыву — к берегу Байкала. В этом месте берег озера очень крут — скала высилась над уровнем озера на двести, а то и триста метров. Берег Байкала ниже уровня воды также уходил резко вниз, сохраняя линию обрыва скал, следуя начертанному природой краю тектонического разлома.

Стоя теперь на вершине скалы, Хватов мог видеть внизу станцию: несколько десятков домов, склады и мастерские и саму железную дорогу, протянувшуюся вдоль берега озера. Справа был виден каркас железнодорожного моста и дом обходчика у реки. А от станции раскинулась снежная в эту пору гладь озера. В сумерках уходила и терялась озерная простыня в сгущающейся дымке, и противоположный берег растворялся в дали, и ни одного огонька не было видно.

Несмотря на общее разорение — дорога жила. Со скалы было видно, как со стороны порта Байкал на восток шел поезд, нещадно дымя белесым, стелющимся над вагонами дымом. Впереди паровоза бежал по рельсам размытый расстоянием свет от прожектора, а поезд угадывался по красным фонарям, что были развешаны на вагонах.

Паровоз и луч прожектора вдруг пропали — нырнули в тоннель на подходе к Маритую. Паровоз исчез, подобно зверьку в норке, утягивая за собой свое длинное тело и хвост. Но вскоре из-под скалы — на выходе из тоннеля — вновь полыхнуло светом прожектора, а следом наружу выскочил и потерянный паровоз, окутанный клубами пара и дыма, а хвост поезда в этот момент только еще вползал в тоннель с противоположного его конца, маячил одиноким красным огоньком. Выскочив из тоннеля, паровоз затрубил, оглашая берега, и оттого еще более стал походить на живое, радующееся успешному нырку через скалу существо.

«Пока там поезд — спускаться не следует», — подумал Хватов, наблюдая, как поезд, степенно пыхтя паром, подошел к станции, причалил к перрону из досок и остановился. На перроне появилось несколько человек. Потолкавшись у открытой двери, они зашли в головной вагон. Из вагонов никто не вышел. Постояв несколько минут, поезд окутался клубами дыма и пара и, вновь протяжно заголасив, отправился дальше.

Совсем уже стемнело. На небе полыхали звезды и катилась безучастная к людским страданиям луна. За полотном белого подо льдом Байкала, на противоположной его стороне, дыбился хребет Хамар-Дабан, отпечатавшись на черном фоне звездного неба белой в дымке стеной с резным краем скалистых вершин.

Хватов стал спускаться по расщелине вниз. Расщелина скоро превратилась в ложбину и широкий скат и вывела к огородам поселка на самой его окраине. Хватов огляделся и отметил справа дугу арки железнодорожного моста, который он приметил, еще будучи наверху. В окне домика тускло светилось: знать, хозяин еще не спал. Хватов подошел к дому обходчика и приткнулся, озираясь вокруг, к забору. Во дворе забеспокоилась собака, несколько лениво твякнув. Сотник стукнул в стекло окна стволом нагана, подождал, постучал снова и услышал, как открылась дверь:

— Кто тут? Кого несет? — прозвучал настороженный недовольный голос и раздался звук передергиваемого затвора.

— Я от Корнея, твоего свояка, что из старовойской обители на Иркуте. У меня от него тебе письмецо есть, — ответил Хватов, заругав себя за то, что так и не спросил фамилию приютившего их с Ракитским старообрядца.

— Да иди уж сюда. Щас калитку отопру, — раздалось уже за жидкой оградой вполне миролюбиво.

Лязнул металлом засов? и калитка приоткрылась. Хватов придерживая лыжи, шагнул внутрь двора и увидел хозяина в накинутом полушубке, в шапке с форменной кокардой и с винтовкой в руках наизготовку. Рядом крутился и поскуливал совсем молодой кобель, демонстрируя высшую радость от встречи с хозяином.

— Ну, шальной-неугомонный, — отпихивал от себя пса хозяин.

Оглядев Хватова, обходчик кивнул головой в сторону входа в домишко, приглашая пройти, и пошел следом за сотником. В доме Хватов скинул с себя два увесистых мешка и шинель, которую поменял на изодранную в пещере бекешу, и присел по

приглашению хозяина к столу. В избе при свете керосиновой лампы Хватов разглядел хозяина. Мужик с вислыми усами и изрядной лысиной смотрел усталыми глазами на Хватова.

Сотник взялся искать записку, долго не мог найти и уже забеспокоился, что потерял писулю, но тут сразу и нашел скомканный листок во внутреннем кармане. Обходчик взял осторожно протянутую записку и, натянув на нос очки в металлической оправе с лопнувшим стеклом, стал читать, шевеля губами, поднеся мятый листок к лампе, и сразу заулыбался: видимо, признал весточку от свояка и вспомнил что-то для себя приятное. Прочитав записку, хозяин поинтересовался, куда же сотник держит путь:

— Куда наострился-то? Погнали благородия нынче: день и ночь идут и идут, то группами, кто поодиночке, как ты. И офицеры, и солдаты, и бабы с детьми.

— За Байкал пойду. Я так понял, тут уже все побережье красные захватили. Аль нет еще? — осторожно спросил обходчика сотник.

— Да вот только поезд прошел с чехами. А с ними сопровождающие из Иркутского ревкома. Дела чудные: красные сопровождают чешских легионеров, которые еще недавно помогали бить большевиков. Ничего не поймешь — бедлам округ. А на станции у нас пока тихо. Есть сочувствующие, но комитета еще нет, — ответил обстоятельно обходчик и продолжил: — Но ехать тебе на поезде не стоит. В Култук и Слюдянке уже крепко большевики закрепились. Поезда шмонают так, что не проскочишь. Сказывают, каждый день расстреливают за станцией в мраморном карьере снятых с поезда и других, кто по дороге пытается уйти от красных. А в Иркутск, говорят, пришла Красная армия с запада числа не мерянного: на сытых лошадаках, с пушками, все мордатые, сами ржут как кони. Город заполонили, все тюрьмы забили арестантами и также стреляют каждый день несговорчивых. Сказывают, и Колчака со всем начальством под лед на Ангаре скинули. Тебе, браток, нужно по Байкалу уходить. Слыхивал я, в Танхое, что как раз напротив на том берегу, если взять чуток влево, казачьи разъезды атамана Семенова, — обходчик для убедительности указал пальцем в направлении южного берега. — До Танхоя верст сорок-пятьдесят, и по ровному льду за ночь можно дойти. Это если идти ходко, без остановок. Правда, на берегу со стороны Слюдянки и Утулика дорогу стерегут красные посты, и как только они приметят днем путников на льду, отправляют навстречу конный разъезд для проверки. Поэтому следует идти ночью, а если наткнешься на красный разъезд — чтобы укрыться, нужно взять белую рогожку, простынку и схорониться в торосах и переждать, иначе изловят и убьют или отправят в Слюдянку в тюрьму, где замучают. В темноте разобрать будет сложно, если спрятаться под рогожкой. Сказывали, так многие спаслись. Нынче ночи бывают такие ясные при полной луне и так видно далеко на снегу, что пройти незаметно никак нельзя: следы выдают, но коли свезет — уйдешь с богом, — обходчик тяжело вздохнул и, окинув взглядом сотника, добавил: — А теперь давай спать. Сегодня тебе идти уже поздно, не успеешь затемно дойти до Танхоя, а вот завтра отоспишься и, как завечереет чуток — пойдешь.

С этим и легли спать, а проспав полдня, к вечеру Хватов, отдохнувший, полный сил, поджарый, как гончий пес перед охотой, вышел на лед озера и ходко тронулся в путь. В дорогу ему выдали серую, потрепанную рогожку и распоротую старую драную холщовую рубаху, чтобы при надобности мог укрыться ими в торосах — схоронится от красного разъезда в озерных снегах и льдах.

— Уж извиняй, нового да белого ничего нет — поизносились мы, — виновато проговорил приютивший его обходчик, выдавая тряпье.

VIII

Снег на льду Байкала выдувает ветром, и лед частично был открыт, а местами укрыт плотно — там, где есть за что зацепиться: у торосов, у вздыбленного ломанного беспокойным Байкалом льда, вдоль трещин снег собирался в глубокие сугробы.

В эту ночь на Байкале было тихо. Надо льдом тянуло поземкой, и колючий снег стегал по лицу. Звездная ночь и луна освещали путь, и если бы не трещины да упрятанные под снегом нерпичьи норы, идти можно было легко и быстро.

Отойдя изрядно от станции и энергично двигаясь в направлении южного берега уже пятый час, Хватов заметил, как с правой стороны от берега в его сторону как будто двигаются черные фигуры. Припав ко льду ухом, Хватов услышал далекий стук подков о лед — всадники шли наметом. Сомнения пропали — это был отряд верховых.

«Может, просто кто-то едет в Лиственичное или Маритуй? Но скорее всего, это разъезд красных — кто попрется ночью по Байкалу», — размышлял Хватов, присев у гряды ледяных торосов, вздыбившихся вдоль когда-то существовавшей трещины изломанным гребнем. Торосы тянулись длинной строкой, конец которой терялся в сумерках.

Хватов вспомнил рассказ обходчика о том, что красные посты поставили на противоположном берегу — стерегут всех, кто пересекает Байкал. Как дали войска Колчака слабину под Омском и Красноярском, побежали на восток сомневающиеся группами, потом колоннами, а кто и поодиночке, тут местные и спохватились. Сказывали, что частенько под видом красного разъезда промышляют грабежами бандиты из ближних поселков. А изловив беглецов, тут же прямо на льду кончают, а тела в трещины спускают. Дело паскудное, но выгодное: бегут-то все с деньгами, золотишком, каким-никаким имуществом. В общем, есть что взять, есть чем прибарахлиться. Вот и стерегут, как стережет свою мышку кошка, затаившись у норки.

«Да лучше спрятаться заранее, — решил Хватов, — как говорится: береженого господь хранит». Оглядел спасительные для него торосы и, протиснувшись между двух торчащих практически вертикально льдин, пристроил свой мешок, присел и укрылся припасенными тряпками. Оказалось, что на белом снегу поношенная ткань хорошо заметна. Хватов приподнялся и извлял ткань в снегу и снова укрылся, но это мало добавило белоснежности, и он был замечен. «Что делать? Авось пронесет», — подумал сотник и затаился.

Раздался стук копыт по льду совсем рядом. Вскоре послышались и голоса:

— Как будто видел кого — чернела фигура на снегу. Шел кто-то от дороги с того берега.

— Че? Пovýлазило?

— Дак, товарищ командир, всю ночь пýлились, может, что и привиделось.

— Ищите, ироды, видать в торосах схоронился.

— Да где ж его теперь сыщешь? Он теперь ни живой, ни мертвый, схоронился, сердешный, знать, жить-то охота.

— Ищите, сказал. Следы гляньте. Может, оставил свежие следы где.

— По дороге и тропе шел. Тут снег пovýдувало — не разобрать.

— Пошарьте, пошарьте! Думаю, здесь он где-то заховался. Дальше пройди — у торосов глянь.

Потянулись тягостно минуты. Хватов сидел между торосов под полотном и держал наготове взведенный наган. Кто-то из всадников спешил и стал обходить торосы: снег закрипел под ногами совсем рядом, потом звук шагов по снегу стал удаляться.

— Нету, товарищ командир! Показалось, видать.

— Эх! Ладно, ну его к лешему, поехали назад. Замерз тут с вами.

Скрип снега под ногами стал как будто удаляться.

— Ой! Глянь, следы свежие к льдинам ведут, — вдруг раздалось совсем рядом звонко, по-молодому. — Гляну счас.

Хватов напрягся, все его тело налилось, готовое к решительному отпору.

— Эй, выходи, лешак! — раздалось уже совсем рядом.

Хватов понимал, что тот, кто ищет, пока его не видит, но догадался по следу на снегу, что человек таится где-то поблизости. Снова закрипел снег под ногами, и стало слышно, как дышит тяжело совсем рядом напряженно тот, кто пришел забрать его жизнь.

Вдруг засквозил воздух среди торосов, дохнуло свежестью, загулял плотный ветерок, и помело густо поземку. Снег закружил вихрем и вмиг запорошил Хватова под его рогожкой так, что даже стало ощущаться, как потяжелела накинута ткань. «Как кстати», — подумал сотник.

— Всё, потерял следы, замело, и не видно, — раздалось совсем рядом. — Некстати ветер поднялся — откуда он, такой резвый?

Звук шагов стал затихать.

— Ну, че там? — снова раздалось вдали.

— Как будто потерял следы. Были вроде, а тут замело — утерьял.

— Экий ты растяпа, Кабан!

— Зайди в торосы глубже — он там! Не дрейфь, не ушибет. Давай проверь!

Снова рядом раздалась шаги, и уверенно нарастал скрип снега уже совсем близко и казался уже оглушительным. Ждать Хватов более не стал: откинув полотно, приподнялся и увидел совсем рядом растерянные округлившиеся глаза мужика в кургузом полушубке и бараньей шапке с красной лентой наискось и с винтовкой, зажатой в руке. Рот в обрамлении кустистой бороды и усов мужика скривился судорогой от страха. Дядька явно не ожидал появления противника столь неожиданно и не смог изготóвиться, а только раскрыл рот от страха, но крикнуть не успел, как пуля, выпущенная из нагана, вонзилась в его грудь. Незадачливый дружинник упал навзничь, раскинув руки.

Выстрел прогремел, казалось, подобно грому в морозном воздухе. Сразу пахнуло остро серой, но порыв ветра тут же унес резкий запах. Всадник, которого Хватов тоже теперь увидел, крутанулся на коне, натянул поводья, и раздалось:

– Гей, хлопцы! Он здесь! Берем! Обходи, Курсак!

И из глубины ночи, слева из-за торосов загремел отдающийся эхом и утробным стоном льда конский топот. «Еще двое», – пронеслось в голове Хватова, и он по дуновению ветра даже уловил столь знакомый запах конского пота в морозном воздухе. Скачущим нужно было обогнуть торосы, за которыми спрятался Хватов, и они скакали в сторону своего командира. А тот, видимо надеясь на их скорую поддержку, уже ринулся в атаку, обнажив шашку.

Хватов сидел за льдиной в торосах и ждал. Сотник видел голову всадника и коня и блеснувшую при луне шашку. Всадник подлетел к самому торосу, не видя противника, и Хватов, уклонившись от возможного удара шашкой, пальнул почти наугад в надвигающийся силуэт в полущубке и с накинутым башлыком. Хватов попал. Конь, оглушенный выстрелом нагана у самой морды, захрапел и рванул в сторону, а всадник повис в стремях, завалившись набок, бессильно мотаясь в такт с движениями скачущего коня и волоча по льду бесполезную уже свою шашку.

Те двое, что спешили к своему командиру, в этот момент только высочили из-за торосов и, оценив обстановку, придержали коней.

– Вот ешкин-трешкин! Завалил Кабана и Григория!

Беспорядочная стрельба из двух стволов накрыла торосы. Но Хватов по-прежнему лежал между льдин, пули летели плотно, но безадресно, высекая лед из торосов, с воем рикошета ото льда в сторонке от него.

В какое-то мгновение все резко стихло. Потом стало слышно, что спешившиеся всадники тихонько советуются. Среди обрывочных, доносимых порывами ветра слов вдруг явно прозвучало: «Тикать... не к добру, мать-еги... ну его, к лешему...» Заскрипел снег под ногами, и вскоре раздались столь знакомые Хватову звуки: скрип седла при посадке на коня и топот конских подков о лед. Ровная дробь скачущих по льду всадников стала удаляться. Хватов немного расслабился, облегченно вздохнул и решил подождать, понимая, что красные могут и обмануть: затаятся невдалеке и будут наблюдать, не вылезет ли из своего укрытия схоронившийся человек.

Прошло около получаса. Все было тихо, лед молчал, Хватов приподнялся и осмотрелся. Вокруг не было никого. На небе так же сияла Полярная звезда, несколько сместившись на небосклоне. Хватов, не выпуская из руки наган, уложил полотно в мешок и, нагрузившись поклажей, выбрался из торосов на тропу, перешагнув убитого им накануне человека и огляделся вокруг. Поверхность льда округ него, пока хватало глаз, была пустынной.

Пройдя по льду уже изрядно в обход гряды торчащих, словно клыки чудища озерного, ледяных торосов, Хватов вдруг увидел стоящего за ледяной грядой коня с убитым совсем недавно всадником. Тот неловко свесился с коня, но не падал, зацепившись прочно левой ногой за стремя. Нога эта теперь торчала вверх, а сам убитый, подогнув другую, свисал вниз головой с другого боку, уронив руку до самого снега. На руке висела на петле добротная офицерская шашка. Голова убитого, не покрытая теперь, также свисала беспомощно; пряди волос, усыпанные снегом, колыхались на ветру, рот был открыт, словно в крике. Было понятно, что коню невозможно будет освободиться от своего погибшего седока. Хватову стало жаль животное, и, не глядя в бледное уже лицо убитого, он подошел и ножом срезал ремень со стремянем. Тело командира красных дружинников мешком свалилось вниз и неловкой кучей распласталось на льду. Конь, ощутив свободу, тут же пошел, косясь на Хватова, но, когда он попытался его ухватить за узду, захрипел и с ходу кинулся наметом, взбрыкивая, в сторону темнеющего берега.

Хватов потерял свою шашку где-то в лесу, занимаясь раненным Ракитским, а теперь кстати решил взять трофей, и скоро в руках у него была в ножнах боевая шашка с добротным открытым эфесом. Шашку, чтобы не мешалась при ходьбе, Хватов подвязал к мешку и подумал, что для службы сгодится добрый клинок и будет до поры напоминать ему о байкальском бое.

Хватов был теперь один на один с убитым, и, глядя в его усатое, как оказалось, лицо с распахнутыми удивленными глазами, он вдруг мысленно спросил его: «Что, брат-земляк? Как нас стравили-то неведомые демоны? Чего вдруг кинулись, полные ненависти, мы друг на друга? Ты жил на берегу Байкала, богатого рыбой, а я жил на берегу сноровистой реки, а вокруг таежные уголья, и чего нам не хватало? Могли повстречаться на ярмарке в Иркутске, выпить за здоровье, а теперь и за упокой выпить не выходит. Чего взялись делить то, что нам не принадлежит, да так сошлись, что места для жизни нам на этой почти пустой, с редким человеком на версту пути земле не хватило? Отчего так? Отчего ты кинулся на меня, а мне пришлось убить тебя?»

Ответа не было. Хватов подумал, что и при живом дружиннике ответа он не получил бы, а скорее, сцепились бы, давась от злобы. Но теперь, когда он остался один, смог сам себе задать мучающие его уже давно вопросы. «Эх», – махнул рукой и,

отвернувшись, зашагал по льду к спасительному берегу.

К утру, хоронясь за торосами, удалось дойти до Танхоя уже в утренних сумерках.

— Гей! Кто идет?! Стоять! — раздалось из-за бугра на берегу грубым сердитым голосом, и Хватов, спрятавшись за нагромождения льда у берега, увидел бородатых верховых в серых шинелях и косматых папахах на заиндевелых конях.

— Свой! Из Иркутска отступаю, — ответил Хватов, хоронясь за кучей льдин, абсолютно не уверенный, что перед ним не красные, а казачий разъезд.

Но все обошлось. Казаки приказали подойти и повели к поселку, где в доме при станции сдали Хватова заспанному дежурному. Тот определил его в комнату под охрану, и уже днем комендант, изучив войсковые документы, которые, к счастью, Хватов сохранил, отпустил его, пожелав доброго пути.

Через два дня на бронепоезде, что ходил на данном отрезке железной дороги, доставляя припасы и людей, Хватов прибыл в Верхнеудинск.

IX

В Верхнеудинске, пристроившись в эскадрон казачьего полка к своему сослуживцу Миرونу Зотову, Кондратий Хватов понимал, что здесь он ненадолго.

Накопилась дикая, не проходящая за ночь усталость и растущее день ото дня разочарование. Последние события показали всю бесперспективность борьбы, которая все более приобретала формы бандитского промысла. Хотелось уйти, снять шинель, тяжелые сапоги, поставить в угол избы карабин и шашку и заняться, наконец, такими понятными мирскими делами.

Красные бестолково, не системно, но напирали. Очаги возмущения и сопротивления возникали в уездах повсеместно, и отправляясь в рейд, можно было нарваться в любом селе на обстрелы из засады.

Многие из отряда планировали отступление в Монголию и Китай. Хватову эта позиция казалась гибельной и малопривлекательной.

После Верхнеудинска войска отошли к Чите, где задержались на несколько месяцев, теснимые Красной армией. Помыкавшись среди отступающих в полном беспорядке войск, которые испытывали теперь активное противостояние со стороны населения, Кондратий Хватов, понимая гибельность положения Белой армии в Забайкалье, отправился на восток. Сотник понимал уже твердо, что наступает час, когда придется покинуть страну, которую вовсю корежила революционная конвульсия, способная убить или возродить бывшую империю к новой жизни. Казалось, что страна, когда-то огромная крепкая держава, в предсмертном стоне закатывает глаза, делая последний, глубокий, но совершенно не способный вернуть ее к жизни вздох.

В любом случае, оставаться здесь не было уже никакого смысла. Биться за потерявшую привлекательность идею возрождения империи было поздно, а служить японцам, пытавшимся охватить свой кусок от российского Приморья, было совершенно неприемлемо. После очередного переформирования части Хватов прикупил справку у полкового писаря о командировании для службы в другом воинском подразделении и подался искать удачи самостоятельно. Добытые золотые монеты помогали решать любые возникающие на пути проблемы.

Так Хватов оказался во Владивостоке и затесался в охрану гарнизонных складов на самой окраине города, чтобы присмотреться и в то же время не лезть под пули. В пригороде Владивостока у угольных шахт он направлялся на мерине в гарнизонный отдел снабжения, размышляя, что пора уже решать что-то с отъездом за границу. Подъезжая к станции, сотник заметил группу истерзанных, едва бредущих пленных, которых вел казачий конвой верхами по пыльной улице. У станции людей под конвоем подвели к забору и приказали сидеть в ожидании распоряжений, приставив охранение. Хватов остановился и, обратившись к казаку из охраны, поинтересовался:

— Эй, браток, это че за люди? Откуда вы их ведете?

Казак лениво оглядел сотника и, не обращая должного внимания на его офицерский чин, ответил, продолжая лузгать семечки:

— Побили нынче под Залесьем краснюков. Эти в лесу хоронились.

— А это кто? Побитый весь, смотреть страшно. Командир?

— Лазо — ихний командир.

— И куда его?

— Куда? Известно куда — в расход.... Шомполами запорют до крови и бросят в холодную кутузку помирать, чтобы коростой покрылся и мухи на нем кормились... А это, смотри — девка, совсем еще не целованная... По кругу казацкому пойдет... Запользуют девицу до полного отвращения, а потом прибьют, как шелудивую собаку под забором...

— Жалко, совсем молоденькая. А кто тут у вас за главного?

– Да вон – вахмистр Строев. Паскуда та еще: ни своих, ни чужих не милует, а своего не упустит.

Хватов, уверенно шагая, направился к вахмистру и, коротко козырнув, спросил:

– Твоя девка, господин вахмистр?

– Ну, моя. А тебе, ваш благородь, какая надобность? – насупившись при виде незнакомого казака-офицера, ответил Строев.

– Слушай, есть идея, – не стал рядиться из-за небрежного обращения нижнего чина к офицеру Хватов, – отдай ее мне. Нам нужна баба в помощь в санитарном вагоне. Будет бинты стирать да помой выносить.

– Да ты че, сотник, с меня спрос будет – куда комиссаршу дел? Она у них идейный предводитель, помощница самого Лазо.

– Скажешь, сбегла, а я отвалою за нее вам денежку, – вкрадчиво стал убеждать вахмистра Хватов. Я ж все же офицер, а не какой случайный прохожий – под присмотром будет, если че – накажем строго.

– Че ты там отвалишь? Нынче все гольтьба! Гол, поди, как тесанный кол, – Строев хохотнул, – а туда же – отвалою денежку! Керенками, бумажками, желаешь дело замутить? Фанты эти уже на дух не нужны. Рассмешил ты сотник дядю, – охамевший вахмистр скривился в усмешке.

– Золотишко у меня есть. Золотые царской чеканки монеты. Возьмешь? – ответил Хватов, не обращая внимания на хамство нижнего чина, и тут же, отметив хищный интерес во взгляде вахмистра, достал из кармана заранее приготовленный золотой червонец. – Вот, глянь.

– О как! И много у вас этого добра? – уже спокойно и крайне заинтересованно выдохнул вахмистр и даже как-то подобрался перед сотником.

– Да есть толика... Не обижу.

– Да за эту красотку полудохлую десятка три червонцев давай. Сам понимаешь, нужно всех как-то убедить, что девку следует передать сотнику заезжему, – вдрут засмеялся вахмистр, обнажив щербатый рот.

Хватов понял, что завышает цену вахмистр, умело выманивая у него золотые монеты, и поначалу было даже вспылить:

– Ты че, вахмистр, хамишь?! Это же золотые монеты – целое состояние! – вахмистр, скривив деланно равнодушное лицо, развел руками, давая понять, что предложение не требует торга. – Ладно, согласен. Сейчас поднесу денюжку, – махнул рукой Хватов и отошел.

Отойдя от вахмистра, он видел, как Строев подозвал чернявого бородатого урядника и что-то ему стал нашептывать на ухо. Тот стоял, нахохлившись подле крупного Строева, и кивал, поглядывая исподлобья в сторону Хватова. «Вот суки – стговорились проследить и отнять все золото», – пронеслась шальная догадка в голове Хватова.

Сразу где-то между лопаток привычно заглодело, и учащенно забилось сердце. Но сотник решил все же завершить начатое и полез в походную сумку, притороченную к седлу. Мерин, перебирал ногами и, чуя, что хозяин полез в поклажу, напомнил о себе, о своем желании подкормиться: потянулся мордой к Хватову и прихватил зубами за рукав. Хватов отвел морду коня, отсчитал нужную сумму и забрал из сумки мешок с золотыми монетами, переложив в свой вещевой мешок. Мешок забросил за плечи и вернулся к вахмистру.

– Вот твои тридцать золотых, – обратился к вахмистру Хватов, внимательно и настороженно контролируя ситуацию. – Забираю девку? – глядя в бегающие глаза вахмистра, спросил сотник.

– Дык бери, коли стговорились, – ответил нехотя, с задержкой Строев, перебирая монеты и косясь в сторону своего подчиненного, который явно ждал команды от вахмистра с тремя стоящими рядом казаками.

Хватов, чувствуя, что становится горячо, положил руку на кобуру и отстегнул ее, нащупывая рукоять нагана. Тут из-за угла вышеляпонский патруль. Японцы вышагивали по пыльной дороге, сверкая зеркального блеска клинками на винтовках и старательно топоча ботинками в обмотках по пыльной дороге. При виде японцев вахмистр не стал отдавать команду на захват Хватова, а взялся заинтересованно рассматривать монеты, завернутые в тряпицу, косясь на марширующих японцев. Хватов пошел за пленницей. Та стояла у забора рядом с еще двумя избитыми партизанами, которые стоять не могли и сидели на корточках, босые, тяжело привалившись к доскам ограды и свесив понуро в кровоподтеках и кровавых коростах головы.

Навстречу Хватову шагнул конвойный, преграждая путь. Хватов глянул в сторону вахмистра, и тот махнул рукой, давая понять – пусть, мол, подойдет и забирает девицу. Хватов без предисловий ухватил пленную за руку и потащил за собой. Та упиралась и взялась колотить его по спине и плечу своей легкой ладошкой. Казаки заржали, видя

такое представление.

— Цыть, дура. Спасая тебя от позора и гибели. Прекрати ерепениться, — прошипел на девицу Хватов.

Девушка как будто поняла сказанное, колотить его перестала, но шла за ним упираясь. Хватов отвязал коня, не выпуская девушку одной рукой, потом влез в седло, по-прежнему одной рукой держа ее, а оказавшись на коне, наклонился и ухватив пленницу под руки, легко вскинул и усадил на коня перед собой. Та и охнуть не успела, как конь, перебирая ногами, кинулся рысью, пыля по улице. Хватов приударил мерина и, стараясь быстрее скрыться от возможного преследования, стал плутать по улицам и закоулкам, а выбравшись на окраину поселка, остановился под высоченным тополем, спешил и отвел коня с девушкой за высокий забор крайнего дома, а сам стал из-за поворота выглядывать преследователей, хоронясь и оглядываясь. Те скоро появились. Трое казаков, что стояли поодаль, когда Хватов забирал девушку, теперь рысью степенно скакали по улице и крутили головами в поисках сотника.

«Вот страмина! Сколько волка ни корми, он все равно смотрит на тебя», — вспомнилась Хватову усвоенная им за годы службы истина. Кондратий снял карабин и из-за укрытия прицельно пальнул в сторону казаков так, чтобы и не зацепить, но и показать, что они на верной мушке. Казаки закружились на конях на месте, по-прежнему не видя Хватова. Хватов не дал времени им опомниться и снова пальнул так, что выбил пулей у ног коней на дороге пыль. Этого хватило: казаки развернулись и, нахлестывая коней нагайками, сразу перешли на галоп и понеслись по улице, всполошив собак в подворьях. Отметив, что теперь его не преследуют, Хватов снова вскочил в седло и, крепко обхватив девушку, направился к дому, в котором остановился.

Привел девушку в дом. Та вела себя, как совсем чумная. Выглядела нескладной, как лосиха-олениха, но маленькая да тощая, косилась на Кондратия раскосыми, слегка темными глазами.

— Не бойсь — не обижу, — сказал тихонько Хватов.

Девушка вдруг как заревет, как загомосит. Прилипла вдруг к Хватову, не оторвать, слезами всего его измочила...

— Как зовут-то тебя? Так и не познакомились.

— Ольга я.

— Ольга. Вот так — будто всю жизнь знал, что жена у меня Ольгой будет зваться, — усмехнулся Хватов и вспомнил Матрену, ее равнодушную к нему плоть и обиду, которую он унес с собой без всякого права что-то изменить.

Стали коротать время вдвоем с Ольгой и думать, как жить дальше. По всему выходило, что нужно уезжать из этой полыхающей и источающей из каждой подворотни зло и насилие страны.

Хватов уезжал на службу, дом запирали и наказывали Ольге не выходить во двор. Вскоре подвернулся случай — сопровождали груз с парохода на склад, и удалось договориться с комендантом порта о том, что посадит он его и спутницу на американский теплоход, что отправлялся в Калифорнию. Пришлось коменданту изрядно заплатить, но тот оказался честным малым, и в ночь, оставив своего мерина на причале и наказав коменданту позаботиться о коне, на подрагивающем на волне буксире Хватова и Ольгу доставили к теплоходу, что стоял уже под парами на рейде. Устроившись в каюте на нижней палубе, где нещадно пахло прокисшим и трудно дышалось, Хватов с тревогой думал о далекой стране, которая их не ждет. Как-то сложится там.

Пароход выходил из бухты Золотой Рог. Хватов с Ольгой вышли на верхнюю палубу, прошли на корму, дышали полной грудью океанским воздухом и смотрели на огни удаляющегося порта и города, и хотелось им верить, что самое страшное в их жизни все-таки позади.

ПОСЛЕДНЕЕ СРАЖЕНИЕ ПОРУЧИКА НИКОЛАЕВА

Повесть посвящена событиям и людям великого перелома в жизни России сто лет назад. Тогда на окраинах павшей империи, в Якутии, гремели еще боевые столкновения бывших и в то же время новых граждан огромной страны. В марте 1922 года случился памятный бой на протоке у реки Лена, в котором погиб боевой отряд Красной армии под командованием яркого человека, красного анархиста Нестора Каландаршвили. Эти события стали прологом борьбы последних белогвардейцев и местных националистов с большевиками за власть на окраине страны под конец братоубийственной войны.

I

Вдоль поймы реки Лена строкой-гусеницей двигался обоз-эшелон, включавший более ста саней. Катились санки друг за дружкой по узкой натоптанной дороге среди бескрайнего снежного поля с редкими перелесками.

Снег в эту мартовскую пору еще сиял по-зимнему, выдавая с утра свечение всех мыслимых и невероятных отблесков утреннего солнца, но воздух днем уже был полон грядущего тепла, которое как бы парило в воздухе. Если смотреть на ставшее над горизонтом солнце, пушистые зайцы-бесята искрились цветами радуги на снежном поле и от яркости набирающего весеннюю мощь солнечного света рябило в глазах.

Как бы подкрепляя иллюзию, на пригорке среди кустов и правда появился ушастый совершенно белоснежный обитатель здешних перелесков. Зверек внимательно оглядел идущий в низинке обоз, постриг ушами и, отметив, чутко просканировав запахи, что лучше схорониться, сиганул в сторону, путая следы.

Лошади, трудясь в упряжи, фыркали, очищая ноздри от инея и льда, трясли головами с проседью заиндевевших грив. В десятках саней, укрывшись овчиной, в косматых шапках сидели вооруженные люди, стояли укрытые пулеметы, чьи замороженные рыльца выглядывали из-под рогожки и предупреждали о несносно-смертельном своем характере. Позади обоза тащились и пушки, установленные также на сани. Шел обоз неспешно, голоса седоков слышались изредка: а о чем говорить, коли в пути уже второй месяц — переговаривали о многом и не раз.

Порой раздавалось деланно басовито:

— Гой, пошла, пошла! — в адрес заскучавшей лошадки, и было понятно, что это сам возница задремал в пыльном тепле тулупа, поводья провисли, ослаб в удилах натяг, вот лошадка-то и встала.

Путь боевого подразделения Красной армии лежал от Иркутска в направлении Якутска: ожидали прибытия в столицу края к середине дня.

Яшка Астахов сидел на саях, укрывши ноги кошмой. Был солдат в старом тулупе, с большим серым с желтизной от старости воротом и смотрел назад — против направления движения, оперевшись спиной в ящик со скарбом. Перед ним маячила уже третий час дороги рябая морда коня, запряженного в санки позади Яшкиных саней. Рябой тряс головой, избавляясь от нарастающей на морде измороси и льда, и его заиндевевшая морда была живописна и трогательна: белые от инея ресницы хлопали, словно крылья зимней бабочки, а укрытая заиндевевлым мехом-инеем плоская пропешина под сбруей, широко дышащие ноздри создавали забавное зрелище неведомого природе сказочного зверя. Рябой же, четко уловив, что под кошмой на скользящих перед ним саях лежит сено, все норовил подойти поближе и, задрав мордой накидку, выхватить сенца и похрустеть на ходу, труся неаккуратно сухой травой на дорогу.

Яшка был новобранцем. Его призвали под осень из деревеньки Тальцы близ Иркутска, едва ему стукнуло восемнадцать. Потолкавшись на сборном пункте и послужив месяц в учебном центре, парень научился маршировать в строю, стрелять из выданной ему трехлинейки, колоть чучело из соломы приставленным к винтовке штыком. Научили молодого солдата отрыть окопчик и занимать по приказу оборону. Других премудростей строевой военной жизни Якову не досталось за короткий срок обучения, и была надежда, что они и не потребуются в дальнейшем.

На полигоне учил молодых солдат опытный служака Игнат Каменев, бывший унтер-офицер, прошедший германскую и послуживший в Красной армии, а теперь прикомандированный к губернскому сборному пункту. Игнат, щуплый, перепоясанный тугим ремнем в офицерской фуражке с наколотой поверх следа от кокарды звездой с лемехом на алом, выхаживал степенно вдоль строя новобранцев в видавших виды сапогах и излагал свое видение тактики штыкового боя:

— Колоть сынки в бою нужно резко! Вот так! Чтобы не увернулся супостат! И обязательно с придыханием! Вот так! — Игнат вдруг пучил глаза, надувал щеки так, что его вислые усы начинали топорщиться, как у таракана. Надувшись, словно собрался затушить свечу, покрасневший Игнат решительно делал шаг вперед с приседом и руками, в которых, вероятно, должна была быть винтовка, показывал резкое движение вперед и тут же выдыхал с громким: — А-ах!

Отдавался делу подготовки молодых Игнат без остатка, и скоро уже над полигоном неслись вздохи и ахи на все лады, а чучела из прутьев к окончанию дня были размочалены и разбиты наголову.

Выглядел молодой солдат юнцом: на круглом лице со смысленными голубыми и, казалось, всегда удивленными глазами еще вовсе не росла борода, и только над детской оттопыренной верхней губой едва-едва пробивался пушок. Открытый взгляд и то и дело расплывающиеся в улыбке губы тут же располагали к пареньку всякого, кто с ним заводил общение.

Теперь, в обозе, Яшка частенько вспоминал свою деревню на берегу реки и среди тайги. Вспоминал дом, родителей, брата Мишку, то, как жили раньше и как все повернулось с революцией и сменой власти.

Прежняя власть с ее строгостями поминалась Якову по отступающему в феврале 1920 года через деревню по льду Ангары потоку солдат, беженцев и белоказачков на усталых конях. Лица бежавших мало что выражали от усталости и истощения — столько им пришлось уже пережить. На каждом можно было отметить печать глубокой горечи и безысходности: снялись еще по осени в спешке под артиллерийскую канонаду с насиженных родных мест и теперь безуспешно искали пристанища.

Путь держали, гонимые новой властью, бежали в испуге побитые и смертельно усталые люди: направлялись на восток, через лед Байкала в Бурятию, в Забайкалье и далее в Китай и Монголию.

Рядышком с Астаховым сопел в обнимку с винтовкой, забравшись весь под кошму, его сотоварищ Колька Радичев. Лицо Кольки, укрытое солдатской папахой до глаз, едва виднелось, и было заметно, как блаженен его утренний сон: розовые губы сложились бесформенным вареником и нет-нет расплывались в улыбке. «Вот спит, зараза, всю дорогу, и ночью его не добудишься», — подумал добродушно Яшка и поправил ровнее папаху на голове приятеля.

На Яшкиной голове топорщилась бесформенная старая шапка-треух, а вокруг шеи, за отсутствием шарфа, был намотан выцветший, когда-то фиолетовый кусок бархата, раздобытый в деревушке, когда ходили по дворам, искали провиант и нашли за дорогой ломкую, непросушенную до конца на морозе то ли скатерть, то ли покрывало. Тряпка стояла домиком, припорошенная уже снегом. «Удуло ветром, видать, с бельевой веревки али забора», — сообразил Колька Радичев и тут же прибрал находку, а когда та оттаяла в избе, распространяя дух свежестиранной вещи и подсохла, щедрой рукой разделил пополам и отдал кусок Яшке со словами:

— Добрая тряпица, мягкая, бери на портянку или на шею намотай — все же по уграм холодно.

Намотал Яшка, поначалу смеясь, себе на шею тряпицу вместо шарфа — сроду не носил такую он вещь, но потом оценил удобство и стал таскать, не обращая внимания на смешки сослуживцев.

За спиной Яшки на облучке восседал ездовой Ерема — мужик из Качуга с берега Лены, где начался долгий путь вдоль реки. Ерема, нанятый с конем, чтобы сопроводить боевой отряд Красной армии в Якутск по призыву Иркутского ревкома, был человек не армейский. Служил когда-то, контуженный еще на войне с германцем, хотел было отсидеться от очередного призыва, но из сельского совета затребовали коня, и чтобы сохранить живность и вернуться с ним назад до наступления ледохода, Ерема сам вызвался ехать. Так было вернее: и конь сохранится, не пропадет в чужих руках, и есть гарантия, что вернутся вместе домой.

Ехать было уже и привычно, и тошно. Дорога от Иркутска по тракту до Качуга и уже по зимней дороге вдоль Лены-реки занимала скоро два месяца, и если бы не дни отдыха в придорожных поселках, то можно было сойти с ума от однообразия таежно-речного пейзажа, открытых снегом полей, от беспоконья и суеты дороги и бесконечного холода, от которого, как ни кутайся, спрятаться не удавалось, и промерзали насквозь,

до нервного озноба, колотуна и стуча зубами.

Из Техтюра — старинного ямщицкого села на берегу Лены с вековой историей — вышли раненко, еще в полной темноте, чтобы до окончания дня войти в столицу края. Скорое завершение долгого перехода с несколькими днями отдыха оживило отряд, заиграло настроение, чаще стали слышны шутки и смешки: народ повеселел. Утром, еще в сумерках вышли дружно, ожидая наконец окончания дороги, обещанной баньки с веничком. Говаривали мужики, что командир обещал и водки поставить.

Оптимизма, правда, не добавляло то, что последнее время часто говорили о возможной впереди засаде. Поговаривали, что активизировались банды, то там, то в другом месте выбывая и вешая активистов и сельсоветчиков. Об этом сообщали в поселках и станциях, через которые проходил обоз. Но теперь в конце перехода все было тихо, и показалось, что обернется дело без боевого столкновения, к которому мысленно готовился всякий боец отряда по приказу воинского начальства.

На пути в ложбине подо льдом и снегом отметилась протока могучей реки Лены, что раскинулась бесконечным заснеженным полем справа. Протока едва выделялась на фоне снежной равнины, и только деревья, тесно сбившиеся на противоположном более возвышенном берегу, да чернеющие кусты вокруг подчеркивали рельеф.

Впереди обоза метрах в трехстах от основной группы шло двое санок с вооруженными людьми. В косматых папахах и тулупах, полулежа, приготовив пулемет и винтовки, бородатые солдаты всматривались в даль и кратко переговаривались гортанно, не по-русски. Это был авангард из отчаянных черкесов боевого отряда командующего войсками Якутской области и Северного края Нестора Каландаришвили.

Где этот Северный край заканчивался, было не совсем ясно, и все посмеивались:

— Ты, Нестор Александрович, командир всего «от моря и до моря».

В авангарде командовал бедовый Мезхан Бенжанов по прозвищу Лис, и с ним в санках несли службу трое молодых черкесов, преданных Нестору и прослуживших с ним с того самого дня, когда бедовым наскоком захватили Александровский централ. В тот рейд, удачный и почти бескровный, освободили из заключения и черкесов, и многих других из отряда. Все трое из авангарда попались на грабежах и отбывали уже третий год в тюрьмах и на пересылках, дважды попадались при побегах. А тут в одночасье оказались на свободе и попали в боевой интернациональный отряд анархистов Нестора. С тех пор держались за атамана, перековавшись из бандитов в красных анархистов, а теперь уже бойцов Красной армии.

Сформированный отряд выдвигался в Якутск для укрепления большевистской власти в столице Северного края и активных действий против поднявших голову контрреволюционных сил.

Разбитые под Иркутском и отошедшие по всему Прибайкалью части армии Колчака ушли в Забайкалье и были вытеснены за пределы России в Китай, в Монголию. Немногочисленные отряды, часто из местных, ушли на север, где до поры затаились, а когда начались волнения в ответ на притеснения новой власти, включились в борьбу: как могли огрызались, лелея надежду скинуть ненавистную власть большевиков. Повсеместно происходили акты неповиновения, боевые стычки, убийства тех, кто проводил поборы продрозверстки, учрежденной большевиками. Прибытие командующего с интернациональным отрядом в центр борьбы с контрреволюцией должно было привести к укреплению большевистской власти и ее политики.

Сам Дед, как называли Нестора его сподвижники-подчиненные, занимал санки с оборудованной кибиткой, где с ним делила ложе, усталое шкурой медведя и ковром, жена витимского еврея-подрядчика, у которого умыкнули даму за сутки пребывания в городке.

Проезжая Витим, по пути из Иркутска через Качут, Нестор отметил молодую грузинку среди прислуги трактира для заезжих путников. Такой случай Нестор не мог пропустить — землячка среди дальних сибирских снегов была для него дорогой редкостью. Нестор отвел в сторонку молодую горбоносую особу с глазами-оливами и легко без предисловий взялся расспрашивать, степенно по-грузински, разглядывая в упор свежее лицо и грудь, что вздымалась от волнения. Заканчивая тихое в полголоса соблазнение, перешел на русский и позвал за собой, давая понять, что интересна ему красота землячки. Та уже польхала огнем, щеки разругались, а в глазах забегали искорки-бесята. Намаявшись в навязанном замужестве и теперь среди кавказцев, которых в окружении Деда было достаточно, вдруг зацвела. Ощувив в себе женские ресурсы, ни слова не говоря опостылевшему супругу, вышла утром с котомкой и, не мешкая, уселась в санки к вожаку. Тот ждал женщину по уговору и, как только все устроилось, закрыл кибитку от любопытных глаз накидкой. Софью — Софико, как тут же назвал новую знакомую Нестор, — он забрал с собой, пообещав пристроить к штабу на время службы в Якутске. Иметь рядом красивую женщину и соотечественницу показалось Нестору вполне удобным и приятным делом.

Нестор, еще недавно осужденный по ряду статей «Уложения о наказаниях» Российской империи, колоритный, весь в кожаном одеянии, перетянутый ремнями, с неизменным ножом горца на поясе, атаман банды анархистов, ныне значился коммунистом и красным командиром. Отмечен был Дед за боевые заслуги встречей в Москве с Лениным и Троцким, но не растерял еще повадок хулиганистых и без сомнений увез даму, наобещав многое. Это для него было делом простым — сыграть новую роль, вскружить голову даме, наобещать горы златые. И теперь в кибитке, в тепле под мехом и мерное покачивание санок тешил самолюбие Нестор, в который раз удивляясь невероятным размерам Сибирского края и нежданно свалившейся приятности.

Нестор подремывал в своем возке, рядом уютилась, уткнувшись в плечо красного командира, Софико. Поначалу испуганная, неуверенная, после первых ночевок в отдельном, выделенном Каландаришвили доме, на широкой кровати, утопая в жаркой пуховой перине и в объятиях вожака, раскрепостилась и проявила себя как сноровистая дама, способная облажить мужчину. Смотрела Софико на Нестора с любовью и думала уже о том, как обустроит их жильё по приезду в Якутск. Словно кошка, подобранная на улице в мороз, ластилась к новому хозяину, и в глазах с обворожительной поволокою гулял шальной огонек. На второй уже день забыла Софико своего мужа так быстро, как забывается оставленная второпях малозначимая безделушка из гардероба.

В возке, во время пути, Софико дремала, прикинув к Нестору, а он, всегда решительный, думающий наперед, несколько размяк и сидел тихонько, порой за день из возка выходил только по нужде. Вспоминал Нестор свою насыщенную событиями жизнь, размышлял о том, как она поворачивалась теперь для него и что можно было ждать в дальнейшем.

Перед протокой Нестора побеспокоили: к возку подскочил помощник, начштаба Зураб Асатиани, и пришлось остановиться. Зураб глянул мельком в возок, отметил, как уютно устроился командир с землячкой, и высказал сомнения по поводу узкой ложбины, в которую втягивался эшелон обоза. Накануне в Тунгуре, когда обсуждали последний оставшийся переход до Якутска, от местных звучали предостережения о дурно складывающейся обстановке. Сообщали с мест, что отряд поручика Николаева проявил на днях нешуточную активность и был замечен разъездом на подступах к окрестным поселкам, где он, вероятно, и прятался на ночь. Тогда решили идти осторожнее, пустить вперед надежный авангард.

Нестор выскочил из возка без шапки, пряди смоляных волос ложились густо на плечи. Одет командир был легко в кожаной куртке-безрукавке с расстегнутым воротом черной гимнастерки. Окладистая борода, аккуратно постриженная накануне Софико, дополняла колоритный образ Деда. На лице атамана гуляла улыбка, и по всему было заметно, как он доволен собой и всей этой историей с походом, встречей с женщиной.

— Чего бурагозишь, Зураб? Осталось-то верст тридцать до города — добежим, я думаю, без проблем. Боятся нас — все же мы сила: такой здесь не сыскать.

— Надо бы поостеречься, Нестор Александрович. Место, прям скажу, опасное: зажмут нас если в этой лощине — постреляют, как телят на водопое. Тревожно что-то мне.

— Ты же отправил ребят вперед. Лис — опытный воин — справится. Ты наказал Мезхану и его ребятам, чтобы смотрели, истоптан ли снег вокруг? По воздуху люди и кони не летают. Если подойдут какие-то значимые силы, они сразу оставят следы. Пусть глядят в оба. Отправь к ним посыльного, чтобы напомнил — надо бы оглядывать окрестности повнимательнее.

II

Авангард тем временем успешно преодолел протоку в низине и уже взобрался на пологий берег у леса, а основная колонна только подошла и ступила на лед реки.

Сани с черкесами авангарда остановились. Лис встал во весь рост и стал разглядывать открывшуюся долину в бинокль. Снежная равнина вокруг не предвещала ничего тревожного: дорога, извиваясь, уходила вперед, а других следов на снегу, кроме пробитой к леску заячьей тропы, Лис не разглядел.

Успокоившись, Мезхан залег в сани, и авангард тронулся в путь, не заметив, как за леском за возвышенностью сгрудилась человеческая масса с винтовками и двумя пулеметами на санях. Обойдя дорогу через протоку по дальнему пути через низины и за прикрывающими их кустами, отряд поручика Николаева уже с раннего утра поджидал красный обоз, чтобы нанести смертельный удар. Было приказано вести себя тихо, не галдеть, не курить, а присесть пониже — схорониться, будто и нет тут никого.

Николаев долго готовил засаду. Наблюдал за обозом красного отряда, высчитывал и прикидывал, когда и какими силами атаковать красных. Выбирал место, чтобы удар

был скорый, как клинком — молнией вдоль незащищенной шеи. Лакомый был объект — три сотни бойцов, уставших от долгой дороги на открытой местности. Следовало только выбрать место, чтобы подойти затемно, не наследив на заснеженных полях и перелесках, и ударить скрытно разом из всех стволов, чтобы сбить спесь и сломать желание дать отпор на корню.

Как только авангард прошел протоку, а обоз втянулся в ложбину и стал подниматься вверх по склону, из чащи с верхнего яруса берегового откоса косым ударом в правый фланг резанул упрятанный на косогоре пулемет, к нему присоединился второй, и загремели-застрекотали нестройно выстрелы из винтовок. Обоз оказался зажат в ложбине, лошади стали кидаться, вставать на дыбки и, сраженные огнем, падали на повозки, голосили, бились в построюках и давили людей, ломали санки.

Нестор сразу ощутил гибельность положения — его боевой опыт подсказал, что ситуация сложилась страшная для отряда — уж очень в неудобном, гибельном положении они оказались: как на ладони перед атакующими — осталось только прихлопнуть сверху губительным огнем.

Нестор выскочил из саней с маузером в руке: вид его в отчаянии был страшен. Косматый, черный, Дед отдавал команды криком, гортанно, энергично размахивая руками, словно изловленный в силки и пытающийся вырваться и взлететь ворон, и был четко виден на фоне белого снежного поля. Метался неистово Нестор и был тут же настигнут прицельными выстрелами из засады: так с раскинутыми руками и рухнул в снег замертво.

Зураб Асатиани находился рядом, отстреливался навскидку в сторону нестройно бегущих по снежной целине напавших. Увидев, как упал, словно подрубленный, Дед, кинулся и приник к командиру, но был тут же сражен в спину и голову. Зураб свалился рядом с Нестором, орошая обильно, плавя белый снег горячей кровью.

Разгром наступил после несколько минут боя.

Несколько передних саней, что были полегче, успели прорваться через протоку по целине и ушли в бешеной скачке, отстреливаясь, а огонь из засады косил бойцов сбившегося на узкой натоптанной дороге обоза. Солдаты, оставшись без командиров, беспомощно суетились, пытались занять оборону и даже развернуть пушку в сторону леса, но губительный огонь почти в упор был страшен.

Скоро все было кончено. Снег был устлан убитыми и ранеными, кровь, словно пробивающиеся через сугробы маки, аела празднично.

Где-то за опрокинутыми возками еще прятались живые — ездовые и несколько женщин. Испуганные, бледные, они ждали смерти.

Оставшись без командиров и потеряв основную часть бойцов, от обоза перестали отвечать. И тогда из засады высыпали, гаддя, нападавшие. Бежали по снежной целине люди не в парадных одеждах, падали, вставали, горланя угрозы, проваливались в снег по пояс, а добежав, взялись добивать еще живых солдат штыками, одинокими выстрелами. Убивали зло, жестоко, не скупясь на оскорбления.

Один из нападавших, в грязном полушубке и огромных валенках, одичавший от крови, добив красноармейца, с хохотом взялся справлять малую нужду на убитого.

Санки, в которых сидел Яшка, находились в самой середине обоза. Когда ударила очередь пулемета, показалось — пустяк, трещотка, но пули густо легли вдоль дороги, прямо по спинам лошадей и саням, Яков тянулся с подобранным с дороги сеном к морде рябого коня. Тот заинтересовался, вытянул шею, умильно хлопая ресницами в инее. Вот тут его и накрыла свинцовая плеть: прибитый сверху, словно тяжким кнутом, конь подломился на своих усталых ногах, выдохнул шумно и рухнул на дорогу с вытянутой шеей.

Яшка соскочил с санок на дорогу и вскинул винтовку, ища мишень. Парнишка видел, как завалился, хрипя, прошитый очередью, Ерема, как засучил ногами под кошмой Колька, прибитый той же бесконечной по длине очередью из пулемета. Лицо Кольки, теперь бледное, в муках боли, едва виднелось из-под кошмы, а папаха свалилась совсем, и русые волосы раскинулись, спутавшись с соломой, забрызганной кровью убитых.

Яков вскинул винтовку и крутил головой. Откуда били, было непонятно. Команд никто не отдавал. Вокруг металась люди в панике. Слышались крики и стоны.

— Пулемет! Разворачивай пулемет! — прокричал в отдалении командир пулеметчиков Рудый и тут же свалился сраженный. Ухватив себя за грудь, словно пытался разорвать плоть, раскрыть грудную свою клетку и выпустить страшную боль, что поселилась неожиданно в сердце, Рудый выронил наган и опустился на колени. В его лице застыло удивление. Качнувшись и еще раз окинув взглядом мечущихся вокруг людей, он рухнул лицом в снег.

Удивительно, но Якову в это момент не было страшно. Он был так отвлечен и

поражен увиденным, засуетился и просто забыл, что стреляют и в него и, конечно, хотят убить. События вокруг развивались стремительно, разнообразно, и увлеченный их круговертью, он только крутил головой и не сразу сообразил, что потерял где-то шапку. И когда увидел упавший треух и нагнулся, чтобы поднять, в ногу повыше колена сзади рубанул такой силы удар, что тут же помутилось в глазах от боли, и он свалился, сразу потеряв опору. Еще какое-то время он лежал и приходил в себя, потом стал соображать, что шапку он не поднял и что будет делать без нее, ведь замерзнет, отморозит уши, — как, ослабев от потери крови и болевого шока, забылся.

Очнулся Яков, лежа на дороге лицом вниз. Щеку, что плавила лед, а теперь уже остыла и примерзла к снегу, сводила судорога. Ног он не чувствовал, и только там внизу где-то в области колена пульсировала, разрасталась и раздирала ногу изнутри боль.

Выстрелы еще звучали, но негусто — губительного огня уже не было. Яков услышал голоса и, глядя через частокол санок, полозьев, мимо лежащих на дороге людей и лошадей, увидел, как в его сторону идут люди в унтах, валенках. Он сразу понял по обуви и обрывкам фраз, что это чужие, не солдаты его красного отряда. Яков слышал, как отдают команды и звучат выстрелы уже совсем рядом:

— Добей вон того! Шевелится — знать, живой! — раздалось снова, и Яков увидел невысокого в серой офицерской шинели человека в папахе, с шашкой на боку и с наганом в руке, обтянутой черной кожей перчатки. Он шагал в оленьих унтах вдоль растерзанного обоза и крутил головой. Определив цель, стрелял в упор в лежащих, раненных, но, видимо, еще живых красноармейцев.

В этом человеке сразу угадывался начальник и офицер. Якову стало дико страшно, и он зажмурился, ожидая уже выстрела в голову. Выстрела не последовало, но хруст снега под оленьими унтами раздавался, показалось, все ближе, и было понятно, что скоро подойдут и к нему.

— Слушайте, господин поручик, — послышалось впереди, и Яков снова открыл глаза и увидел, как к офицеру подошел мужик в коротком полушубке, собачьих унтах и шапке-папахе, сделанной из оленьей шкуры. Шапка торчала, словно пирамида, а прямой олений мех топорщился нескладно во все стороны.

— Чего тебе, Петровский? — откликнулся офицер.

— Слушай, Николаев, — подойдя ближе, перешел на более близкую по форме манеру разговора мужик, — надо бы ездовых побережь, а то кто с лошадьми, взятыми в обозе, управляться будет. Скажи, чтобы твои не так сильно лютовали. Дай команду обозным отойти в сторонку.

— Спихватился ты! Их уже почти всех покروшили, — отозвался поручик Николаев и глянул в сторону Якова через сани, что загораживали его от командира атаковавшего обоз отряда.

— Тут вот еще бабу прихватили. Сказывают, женщина самого Нестора. Куда ее?

— Баба Нестора? Интересно. Заберем с собой. В хозяйстве сгодится. Красивая, небось? Говорят, любит Нестор красивых баб.

— Грузинка она. Черная, как ворона, но такая справная на лицо, в теле бабенка. Есть за что подержаться, — заржал мужик в нелепой шапке-папахе.

Якову до дури стало страшно, и, уже не чувствуя тела, истекая кровью, он замер, приник к снежному полотну дороги. Николаев шагнул в сторону лежащего Астахова, и скрип шагов по снегу был уже оглушительным, раздирающим перепонки. Казалось, что каждый его шаг — это шаг неотвратимой смерти. Яков подтянул ноги, преодолевая боль, сжался в комок и стал ждать смертельного выстрела.

И тут вновь ударил пулемет. Голосок у этого изрыгающего погибель агрегата был несколько иным, и стало вскоре понятно, что бьют уже по тем, кто только что разгромил обоз. Могло показаться, что подошла поддержка со стороны Якутска, но атаки не последовало.

Вокруг засуетились, забегали, а Николаев побежал, на ходу отдавая команды:

— Все отходим! Уводите коней с санками! Петровский, займи оборону, сдержи красных на подходе! — раздался голос над Астаховым, и мимо него, за убитым и теперь лежащим на дороге Еремой, прошагали ноги в знакомых унтах.

Заскрипели санки, и напавшие из засады стали уходить из-под огня по целине. Яков понял, что угроза как будто миновала и теперь только нужно дожидаться тех, кто придет спасти оставшихся в живых, и снова потерял сознание.

III

Поручик Николаев мог быть доволен. Подготовленная, продуманная до мелочей засада дала результат — основные, наиболее активные бойцы отряда Нестора Каландаришвили были повержены. Среди нападавших потерь практически не было.

Только двоих зацепило, когда бежали по целине к обозу.

Достался поручику и главный желанный приз — сам Нестор. Шутка ли? Знатный в Сибири лидер анархистов, а ныне большой воинский большевистский начальник, назначенный Москвой вершить террор в дальнем заснеженном углу нарождающейся новой, теперь уже большевистской империи.

Поручик Николаев имел с Нестором давние счеты, еще с той, только что угмонившейся в основном гражданской войны. Теперь, когда после смертельной атаки поручик оказался рядом с возком атамана, он мог насладиться моментом, отметив, что враг мертв.

Нестор лежал на белоснежном покрывале, раскинув руки. Его маузер был зажат побелевшими пальцами — не разжать, но тело, лишенное жизни совсем недавно, уже не могло оказать сопротивления: пятна крови расплылись на груди и окрасили белый, как саван, снег. Лицо вожака, теперь бледное, с синевой до черноты под глазами, с гримасой отчаяния, было в обрамлении черных длинных волос, а глаза, большие, на выкате, смотрели ввысь, словно промеряли для себя неземной путь в мир иной. Снежинки, поднятые налетевшим вихрем, ложились на лицо вожака и уже не таяли.

После гибели красного командира и анархиста Каландаришвили в Якутии резко возросло противостояние, и с яростью закипела вооруженная борьба за власть. Воспрянули духом белогвардейцы, примкнувшие к ним повстанцы из числа ущемленных в правах местных, недовольных жесткостью новой власти. Расшевелилась интеллигенция среди инородцев, увлеченных стремлением к первенству национальных интересов — к некоторой независимости от центральной власти.

Успех отряда поручика Николаева, его рейд вдоль трассы на Якутск и разгром большого военного обоза, в котором удалось захватить оружие, боеприпасы и даже пушки, произвели впечатление на многих не только в Сибири, но и в столице и на Дальнем Востоке.

Поводом для активного сопротивления и организации отпора большевикам стала ситуация, когда вся власть в регионе перешла к назначенцам из Иркутска. Триумvirат партийной, гражданской власти и чрезвычайной комиссии в Якутске развернул красный террор. Стали обычными карательные рейды по улусам, уже неоднократно обобранной продразверсткой до нищеты. В тот год, дабы взять под жесткий контроль бурлящую окраину, к Иркутской губернии присоединили всю северную территорию, заселенную инородцами. Местным, часто скрывавшим свои национальные предпочтения большевистскими лозунгами, доверяли с оглядкой, и было это неспроста.

Глава партийного комитета Якутии Лебедев, сам в прошлом эсер, полный презрения к инородцам, развернул травлю местной интеллигенции, выступавшей за то, чтобы Якутия была самостоятельной республикой в составе Советской России. А результат в Якутии как грибы после дождя росли ряды готовых к мятежу, к борьбе за власть, и часто в качестве лидеров сопротивления выступали офицеры Сибирской армии Колчака.

Корнет Василий Коробейников, амбициозный, харизматичный молодой человек встал во главе Якутской народной армии. Скоро в состав армии влился и отряд националиста Павла Ксенофонтова — главного идейного вдохновителя якутского «духа». После оформления идейных принципов движения и одобрения местных лидеров к «армии» корнета стали подтягиваться и другие, порой совсем малочисленные отряды из местных.

Корнет объявился в Якутии после разгрома Сибирской армии Колчака в составе отряда растерянных и загнанных в угол служаков — как на подбор циников и алкоголиков, для которых служба, сутолока армейских штабов и бесконечное движение вооруженных людских масс было привычной средой обитания. Другого они не знали в своей взрослой жизни и, испытав первый ужас, когда отряды безусых юнкеров безжалостно разгонялись рабочими дружинами, изо всех сил старались сбиваться в стаю. Именно тогда в тех первых уличных кровавых стычках молодые юнкера, корнеты и поручики потеряли нравственные ориентиры, и только туманные воспоминания о балах и «хрусте французской булки», рождественских светлых днях двигали их в стремлении все вернуть в состояние «все как прежде». По сути, какой-либо идеи или, тем более, идеологии они предложить не могли, а просто жили поборами населения, в сутолоке борьбы и насилия, с надеждой вернуть ту среду, что их взрастила, и, сбившись в стаю, добывали день за днем свое право существовать.

В Якутии, в этих просторных пределах, существовать можно было, затерявшись и затаившись на дальних заимках и приисках, что часто и случалось после вылазок для пополнения запасов.

Напившись и со слезами на глазах в сотый раз вспоминали бои семнадцатого, во-

семнадцатого года, когда впервые пролилась кровь россиян в междоусобице, и, казалось, свои, такие покладистые всегда работяги-мастеровые, надежные матросики и солдаты вспарывали животы и проламывали черепа безусым защитникам царской власти, кромсали боевых офицеров без разбору. Рыдали теперь те в ответ, и казалось всем так ясно то, что следует делать — мстить, колоть и вешать и принудить «скотинку» встать в стойло. Но «скотинка» не желала в упряжь, отбивалась и уже казалась неодолимой.

В марте, сразу после разгрома отряда Нестора Каландаришвили, в Чурапче было создано Временное Якутское народное управление. Поручик Николаев также привел в Чурапчу свой отряд, значительно усилившийся после удачной атаки на протоке, с намерением включиться в борьбу в последней надежде на успех в захвате власти.

Коробейников встречал прибывших на крылечке деревянного, ладно сложенного дома на таежной заимке из нескольких дворов с рублеными крепкими домами и летними домиками в пяти верстах от Чурапчи.

Командующий — высокий человек лет тридцати в бекеше из овчины с меховыми отворотами, в папахе и длинных оленьих унтах до колен — выделялся среди подчиненных не только ростом, но и неким уровнем культуры во внешности, что давало ответ на источники происхождения человека. Лицо корнета — узкое, худощавое, гладко выбритое, с лихо подкрученными усами — придавало ему вид несколько залихватский, что совершенно не вязалось с унылым выражением глаз. В облике корнета уже просматривались следы алкоголизма, обычного для молодых офицеров, которые пришли на смену изрядно полинявшей «косточке» царской армии старой закалки. Для лица командующего были характерны мешки под глазами, вызревающая одутловатость лица — результат долгих скитаний по фронтам войны, тайге, неустроенности быта и той безнадеги, которая нарастала с каждым новым витком противостояния и лечилась в окончании очередного дня просто — изрядной порцией водки или самогона. За несколько лет войны боевой задор, без значительных побед, лихих реляций, практически иссяк, а молодые люди, посветившие себя службе Отечеству, превращались неуклонно в унылых циников, которые только алкоголем еще поддерживали свой боевой дух.

На поясе корнета висела шашка с рукоятью и ножнами, отделанные серебром, а руки в толстых меховых рукавицах заложены за спину. Корнет внимательно рассматривал проходящих мимо него пеших и конных бойцов отряда поручика Николаева.

Рядом с корнетом стояли помощники, одетые разнообразно, в основном в овчинные полушубки, подпоясанные ремнями, в унтах и папахах. Были здесь и представители местного народа — якуты, и лица с европейской внешностью. Все, как на подбор, усатые с небритыми лицами, в основном низкорослые крепыши, непрерывно крутили папироски, делясь табачком, дымили самосадам, словно исполняли некий ритуал мужского общения.

Поручик Николаев в некотором размышлении о том, что корнет по чину ниже его официального звания, совсем не по-армейски вразвалочку подошел к крыльцу с встречающими его отряд командирами народной армии и коротко, козырнув, отпартовал:

— Поручик Николаев со своим отрядом числом сто семь бойцов прибыл для соединения с народной армией для борьбы с большевиками!

— Bravo, господин поручик! Вы и ваше боевое подразделение добились большого успеха. Потрепали краснючков за бороду, пощипали супостата, — шутовски ответил, картавя, Коробейников, и в его глазах, холодных, настороженных, появился огонь азарта и тут же, впрочем, пропал. Корнет оглядел своих подчиненных, которые в ответ улыбнулись шутке командующего и стали приветствовать вновь прибывших, здороваясь за руку с поручиком. — Милостью Божией прошу вас и воинов земли русской присоединиться к нам, — далее несколько пафосно продолжил корнет и жестом пригласил Николаева пройти в дом.

В этот момент мимо крылечка с офицерами и командирами народной армии проезжали последние в обозе санки. В последних санях, выстеленных сеном, сидели, прижавшись друг к дружке, три захваченные в обозе Нестора дамы. Это были санитарки и Софико, мечтавшая обрести женское счастье с Нестором. Женщины были укутаны в шубы, и только глаза были видны из-под платков в инее.

Корнет, уже было направившийся внутрь дома, обратил внимание на женщин, заинтересовался, сразу взбодрился и повеселел:

— Это что за куклы у вас в отряде — милый такой народец, господин поручик?

— О, это наши трофеи! Дамы из обоза Нестора! Две медсестры и его любовница, грузинка. Ладная, кстати, дама, как говорится, «все при ней» и хороша собой.

— Как расчудесно! И что же думаете с ними делать?

— А что с ними сделаешь? Медицинские сестры и нам сгодятся по прямому, так сказать, назначению. А любовницу пристроим, дело ей найдем в том же санитарном

обозе, — рассмеялся в ответ поручик.

— Али в спаленке, — пошутил, хохотнув, состроив гримасу, один из командиров, плюгавый мужик в огромной шапке из овчины на манер кавказской лохматой папахи.

Корнет глянул с усмешкой на подчиненного, давая понять, что не его это дело определять положение пленницы.

— А нельзя ли на них взглянуть поближе, господин поручик? Сестры милосердия и нам нужны, конечно, но ведь никто не отменял того, что это дамы, — усмехнулся Коробейников, и лицо его расплылось в довольной улыбке в предвкушении любопытного общения.

Николаев подозвал бойца своего отряда и попросил привести женщин. Перед Коробейниковым, Николаевым и членами штаба отряда предстали укутанные до глаз в платки молодые женщины. Санитарки и вовсе были совсем молоденькими и выглядели затравленными — испуганно оглядывали незнакомых взрослых, заросших щетиной или неопрятно бородатых дядек, утрюмых, насупленных, одетых в теплые, но малопривлекательные одежды. Выглядели женщины до крайности усталыми, замерзшими, с посиневшими губами и бледными лицами. Медсестры были одеты в шинели не по росту, в огромные старые валенки. Грузинка София выглядела еще более испуганной, с опухшим лицом, что случается после и долгих слез, и пребывания на морозе. На ногах у грузинки были надеты также валенки, а на плечах тонкий дамский полушубок, подаренный Нестором. Теперь София стояла, опустив голову, теребила в руке концы своей шали, а длинные черные волосы выбились из-под платка и падали на плечи и спину в беспорядке. Отметив, как внимательно с улыбкой и доброжелательно рассматривают женщин незнакомые мужчины, Софья несколько воспрянула, подняла голову и стала смотреть более уверенно.

— А что? Хороша! — с усмешкой оценил увиденное корнет и, даже не взглянув на медицинских сестер, каждая из которых явно уступала в привлекательности грузинке, подошел к ней вплотную. — А скажи милая, будешь ли у меня служить? — задал вопрос Коробейников, разглядывая пристально женщину, вкладывая в вопрос несколько больше чувственности, чем требовала деловая беседа.

— Покормил бы сначала, отогрел, а потом уж вопросы задавал, ваше благородие, — вдруг дерзко высказалась София, уловив игривые интонации в голосе корнета, вздернула голову и взглянула на корнета снизу вверх с вызовом. На мгновение показалось, что женщина стала как бы выше росточком, по впечатлению практически сравнявшись с высоченным Коробейниковым, проявив волю и выдержку.

Тот рассмеялся от такой, явно понравившейся ему решимости и, оглянувшись на своих подчиненных, заметил:

— А ведь дама права! Давай, Семен, сходи, пусть накрывают на стол — будем принимать гостей.

Скоро собрались ограниченным кругом за столом в тесной горнице рубленого дома. На столе высилась бутылка самогона и простые деревенские угощения: холодец, рубленное грубо сало, капуста в тарелке, яркая брусника, вареная картошка, сваренная по случаю похлебка.

Женщин посадили тут же за стол среди мужчин, и было заметно, насколько растеряны медицинские сестры, совсем еще девчонки, и как более уверенно держит себя среди незнакомых, грубых, увешанных оружием мужчин София. Очевидно, покинутый муж и убитый накануне соблазвивший ее любовник остались для женщины в прошлом. А вот то, что теперь происходило здесь, среди заснеженного леса на далекой глухой заимке, было для нее жизненно важным. Изворотливость и способность быть востребованной, выжить в сложившейся ситуации — важное свойство женской натуры. София этим качеством владела, вероятно, в совершенстве и скоро уже сидела рядом с Коробейниковым и оказывала ему малозаметные, но примечательные знаки внимания: то коснется кисти руки и проведет по ней аккуратно пальчиком, то прижмет плечом до предплечья корнета.

После первого тоста за победу над красными супостатами, насилующими народ, выпивать стали без церемоний, и скоро корнет уже держал Софью крепкой рукой за талию.

Гуляли шумно и жадно — напились быстро: загадели, стало шумно, комнатку задымили самосадом, кто-то устало приник к столу уставшей от выпитого головой.

Скоро два помощника и товарища корнета уже таскали друг друга за грудки, не поделив одну из санитарок по имени Серафима. Та ужасно стеснялась, от выпивки отказывалась и теперь смотрела с неумением и страхом, как ее делят два пьяных бородатых мужчины. А те сцепились не на шутку, а потолкавшись в избе, выскочили на мороз и уже скоро один из них полетел с крылечка в снег, сбитый с ног. Второй пылкий претендент на женщину, спотыкаясь, взялся догонять, а настигнув, уронил в снег и принялся мутузить сапожищем сослуживца.

Дерущихся растащили со смехом. Каждому на голову насыпали снега и заставили мириться. Теперь, когда вернулись в избу к столу, оба мужика рядом сидели на лавке мокрые, с бордовыми от гнева лицами, и один прикладывал лед ко лбу, на котором вылезла и посинела шишка, а второй, морщась, вытирал кровь тряпицей, обильно выступившую из разбитого носа и лопнувшей от удара губы.

А Серафима сидела в сторонке, ежилась и продолжала с испугом смотреть на мужчин, одному из которых она должна нынче принадлежать.

Вторая сестричка по имени Маша, которой повезло больше, сидела пока невостребованная. Внешность ее и правда подкачала: худоба, совершенно, казалось, плоская грудь и конопатое лицо с короткой стрижкой, вздернутый носик и небольшие испуганные глаза пока никого из мужчин не очаровали. Она сидела, словно обомлела, и было не сразу понятно, радуется она своей невостребованности или несколько огорчена.

Корнет Коробейников скоро был пьян, охмелел и от самогона, и от внимания красивой грузинки. Наскоро — в три полных граненых стопки удовлетворив потребность расстроенного алкоголизмом организма, окончательно раскрепостившись и «осмелев», потащил без церемоний Софью за собой. Та, немного выпив и раздурявшись, смело взялась играть роль увлеченной корнетом дамы, и, обнявшись, под усмешки собравшихся, молодые, довольные друг другом, ушли в соседнюю комнату и плотно закрыли дверь.

Николаев, отметив, что праздник пора сворачивать, на правах старшего воинского начальника приказал всем завершать застолье и попросил определить его на постой, а уже на выходе, накинув полушубок и папаху, остановился и глянул на рыженькую Машу, что сидела и ждала терпеливо исхода застолья и нечаянно возникших смотрин. Николаев жестом подозвал девушку к себе и, наклонившись к ней, шепнул на ушко, чтобы она шла за ним. Маша вспыхнула лицом, запылало и ушко под горячим дыханием поручика, и, даже не смея поднять глаз, подчинилась и, надев наспех шинельку, намотав на голову платок, подпоясала себя ремешком и вышла за Николаевым. Сопровождающий — местный, из отряда — привел Николаева и медсестру к небольшому дому, над которым вился дымок из трубы.

— Вот здесь, ваше благородие, располагайтесь — там есть отдельная комната с кроваткой, рядом печка — тепло будет.

Николаев уверенно, а медицинская сестра в полном смирении, ни жива, ни мертва, вошли в дом.

IV

После боя из засады с отрядом Нестора поручик Николаев, поначалу необычайно воодушевившись победой, оказался скоро в состоянии полного отчаяния. Огромные просторы края растворяли все усилия, и этот закованный холодом континент был недвижим, казалось, не было силы, способной его всколыхнуть и подтолкнуть к активной борьбе, значительным переменам.

Самостоятельно вести боевые действия он не мог. Сил было ничтожно мало, и таяли эти силы, как масло на сковороде над огнем. Местные ерепенились и, если что не так, поднимались и уходили. Командовать ими жестко, давать приказы не получалось. Свои, — те, кто, отступая из Прибайкалья, попал в эту якутскую западню, — также не горели отдавать жизнь за спасибо. Большинство увлекло образ существования, ибо другого они не могли придумать и создать, мысля просто — сегодня живой, добыл кусок к ужину какой-либо ценой, и ладно. Они все вместе, со своими желаниями и амбициями, были никому уже не нужны, не справившись на фронтах гражданской войны с большевизмом. Теперь же только насилие, ломка того, что попадалось на пути, еще как-то встраивало обветшавшее белое движение в матрицу жизни. Лозунги, звучащие громко, никого не увлекали. За годы борьбы все призывы были использованы, от употребления утратили смыслы, большинство из них показали свою несостоятельность.

Все сомнения выплеснул Николаев при встрече с Коробейниковым, приняв с мороза пару стопок крепкого, как спирт, самогона.

— Всё, подмяли, корнет, большевики Россию под себя. Наши трепыхания — дерготня лягушки на столе исследователя живой жизни. Большевики нас препарируют, как хирурги, отделяя сердце от желудочка. А Россия-матушка только лежит распятая и попискивает, то ли от боли, то ли от удовольствия. Как же! Сбылась давняя мечта Емелек и Степок по задрючиванию родины. Сбылась мечта угнетенных — угнетать угнетателей. Как ни ставь слова и определения — подташнивает. Вышло то, что сами угнетенные и воспрянувшие попали под пресс насилие, от которого кишки лезут через рот.

– Что же делать, поручик?

– Два варианта: сдохнуть или уползти в уголок дальний и сидеть тихо-тихо, чтобы не заметили. За кордон отбывать противно. Побитым псам не место на чужой ярмарке жизни.

Послепьяных посиделок по прибытии, когда как-то ясной стала бесперспективность всей этой возни по опрокидыванию советов, которые отравили мозг народа своими простецкими правилами: подчинить, отнять и поделить, если не согласен – прибить или мучить так, чтобы другие ежились от ужаса, и править, навязывая придуманный воспаленным мозгом вождей порядок.

Утром, едва продрав глаза, Николаев огляделся. Печь прогорела, и в доме стало прохладно. Окна, задраенные куржаком и белесым льдом по краю оконного переплета, тускло пропускали свет. Рядом под шинелькой ютилась Маша. Была она по-прежнему мала, тоща, личико с коноплей российских полей, со спутанными волосиками, стриженными коротко, как хвосты коней Красной армии, – была, тем не менее, сейчас иной. Она была теплой и родной, ее хотелось обнять, и Николаев подивился тому, как легко сложилось и хочется быть рядом с ней, касаться ее, любить и любоваться. Было желание с ней что-то обсуждать и делать простые житейские дела. Стало неловко.

Она спала или притворялась, едва прикрыв глаза, не зная, как себя вести с офицером, который устроил погром на протоке, поубивал со своими дикими солдатами всех, с кем довелось два месяца пути общаться и вести знакомство. Но теперь он был ей не ненавистен или противен, а наоборот, мил. Она хотела быть рядом с ним, с этим ладным, молчаливым человеком, с прищуром светлых настороженных глаз, который старше ее чуть ли не вдвое.

Стукнуло в сенцах, раздались громкие шаги за дверью, открылась дверь, и грубый голос постового, явно замерзшего за время службы, отрезвили парочку.

– Ваше благородье! Подтопить, может, печку-то?

– Давай, брат, подтопи, а то скоро околеем мы тут! – ответил весело уже совсем Николаев и глянул, смеясь глазами, на Машу.

Та улыбалась, и было заметно, как с трудом сдерживает порыв рассмеяться, но в ответ просто приникла к Николаеву. Он обнял ее.

Пока казак громыхал у печи дровами, матерясь вполголоса, разжигал печь, изрядно надымив в доме, поручик и Мария лежали смирно.

Казак ушел, напоследок налетев в сенцах на ведро в полутьме, опять матюгнувшись, и пустое ведро громыхало долго, перекатываясь, как заведенное. Мария и поручик рассмеялись, ощутив то, как здорово, что неуклюжий казак ушел, и они снова одни и между ними нет ничего, чтобы мешало увидеть мир не снаружи, а изнутри, со стороны его чувственной сути.

Мария встала и взялась, уже по-хозяйски, хлопотать по дому, Николаев лежал, смолит папиросу, по-прежнему глядя в потолок, и думал о том, что этот мир еще не удавалось переиграть никому. Вчера он, усталый и в самом скверном расположении духа, прибыл на заимку. С ним в обозе ехал совсем крошечный человечек – Маша, которую он не замечал совершенно, и ее мог обидеть любой из его отряда, а теперь вдруг она главный человек в его жизни. Он был один, а теперь рядом она и, что-то напевая малоросское, уже хлопочет, чтобы его накормить и угостить. А все решил случай, а все решилось так, что совершенно непонятно как – быстро и просто. Вспомнилось из детства: «По щучьему велению, по моему хотению...» И то верно – давно очень он хотел рядом иметь родственную душу.

– Вставай, лежебока, – Мария подошла к кровати и забрала у Николаева чадящую папиросу. Забрала окурочек, бросила его к печи смущенные от нахлынувших чувств, они сидели на кровати, и каждый понимал, что как бы там ни было дальше, эта ночь и утро дня самые памятные у них в жизни, а может быть, и самые счастливые.

V

Наутро на площадке перед домом, в котором разместился командующий и его штаб, толпились прибывшие с ночевки в соседнем селе посыльные и командиры отрядов. Собравшиеся делились новостями и ждали распоряжений. На крылечко вышел корнет Коробейников со своим помощником, а с ним рядом устроилась Софья, в ладном, пригнанном полушубке и лихо заломленной папахе. По улыбке на лице молодой грузинки было понятно, что в новых условиях, после страшного боя на протоке, который случился всего несколько дней назад, женщина вновь нашла себя и чувствует себя вполне уверенно.

Оглядев подчиненных и довольный ситуацией, корнет громогласно и вдохновенно объявил, что отряд из-за активизации красных должен затаиться, заняться боевой подготовкой и перейти на партизанские методы ведения борьбы. К весне, укрепив-

шись и уже под покровом летнего леса, мол, будем атаковать большевиков, их отряды и обозы, уполномоченных и перейдем к масштабному наступлению, цель которого захват Якутска. А главное, нужно, не теряя времени, объединиться всем силам, которые недовольны властью, вести агитацию среди местных жителей, чтобы привлечь тунгусов, эвенков и якутское коренное население, которое большевиками притесняется и обирается.

После митинга, когда собрались в доме командиры, Николаев, глядя с иронией на подбоченившегося корнета Коробейникова, у которого на кителе появились неожиданно три Георгиевских креста, отметил:

— Замах-то на Якутск широк! А это действительно реальный план? За последнее время красные подтянули большие силы. Осилим ли?

— А ты не бойся, поручик. Главное, боевой дух войска сохранить. А высокие цели очень помогают в этом деле. Скопим силы, Бог даст, и на Якутск пойдем. Недоволен местный люд большевиками, а это значительный резерв наших сил и устремлений. Главное теперь — собрать недовольных. Соберем всех — тунгусов, эвенков, якутов, объясним что к чему и пойдем бить красных. А там, как выйдет. Надеюсь, что с нами Бог и победа будет также с нами.

Отметив, что его слова дошли до слушателей, корнет приобнял стоявшую рядом Софью, и они, довольные друг другом, уединились в соседнюю комнату.

— А что это у корнета — три Георгия имеется? Так он герой? И когда он их успел получить? — поинтересовался Николаев у сидевшего рядом начальника штаба якута Петра Андреева.

— Сказывал, что в мировую два отхватил, а третий крест сам адмирал Колчак ему за рейд по тылам красных вручил еще в Омске.

Николаев попытался вспомнить, о каком таком рейде шла речь и мог ли он не знать о корнете после столь славных побед и наград. Выходило, что он, служивший в Омске при штабе командиром специального отряда охраны из белоказаков, знать был должен удачливого и лихого корнета. И относительно награды за мировую войну вышло также нескладно: тогда корнет еще и училища юнкеров не мог закончить. «Да, привирает корнет, добавляет себе авторитета», — подвел итог немудреного анализа Николаев.

Теперь Николаев и Мария были неразлучны. Они жили одним, и Мария всегда была рядом. Унылость зимней «спячки», выжидание не стали столь утомительными, и когда польхнуло по весне солнце и заиграла кровь, Николаев, понимая, что податься им с Марией пока некуда, тянул лямку привычного своего дела, раздумывая о том, как ускользнуть и оказаться рядом с женщиной, которая изменила мир вокруг. Уйти и просто, не таясь и не боясь показаться слабым, уткнуться в колени и молчать, с наслаждением воспринимая то, как Маша легкой рукой ворошит волосы на голове и что-то снова напевает близкое на украинском наречии.

С наступлением весны и лета, когда сама природа дарит скрытность под кроной лесов, активность отрядов Коробейникова возросла. В один из дней из Чурапчи пришел человек и доложил, что отряд красных под командою Яна Строда ушел из села и весь улус практически открыт для захвата.

Сомнения были, но решились быстро, и уже на следующий день резво пошли вперед, устав от зимнего безделья. И то правда — путь на Чурапчи был открыт, и отряд легко вошел в село по проселочной дороге, затем, несколько таясь, добрались до центра, опрокинули по ходу пару красных знамен на сельском совете и прибили подвернувшегося под руку председателя. Но к вечеру, когда солнце забагрилось, уходя за лес, вдруг нестройно застучали выстрелы на окраине села, и красная конница влетела, словно чума — нежданная, злая, необузданная.

Разговорившиеся бойцы, только-только выбравшиеся из леса, побежали. Побежали, и вырубали их красные кавалеристы, густо устилая землю телами отвыкших за зиму воевать бойцов.

Николаев только собрался отдохнуть, проверить караулы своего эскадрона, в котором было от силы половина состава, как загромыхало, и побежала армия корнета Коробейникова из села, словно по команде, даже не пытаясь строить оборону.

Николаев с Марией оседлали еще не отдохнувших коней и кинулись собирать своих казаков и попали под пулемет, что бил из-за реки плотно, зло, умело. Вышибло Николаева из седла, и уже в пыли почувал он, как отнимаются ноги, как нет сил встать и бежать — зацепило спину, прошило навывлет бок, ослабела, повисла рука. Мария была рядом, здорова и, бросив коня, взялась тягать Николаева на себе, стараясь уволочь с дороги на обочину, к болоту и лесу. И когда уже, перебираясь по жиже, мокроте болота, добрались они до рядком стоящих берез, Николаев услышал крик Марии. Крик ее был не громок, но полон такого отчаяния, такой тоски, что сердце зашло в поручика. Он все понял и приник к ней.

Она лежала рядом, и надежда, что все будет хорошо, была совсем мала. Кровь хлестала из шеи, заливала плечо и грудь; ее мгновенно побледневшее лицо, словно маска, было полно страдания и бессилия, глаза уже закатывались. Николаев сумел приподняться и зажал как мог рану на шее, и ощутив его рядом, бледная лицом Мария выдохнула:

— Как жаль, ведь у нас должен был родиться малыш, — и виновато улыбнулась, едва-едва растянув синие уже губы, затихла.

Мария выдохнула и потянулась в судороге, но стала отчего-то как бы меньше телом и совсем недвижима, как бывает с человеком, чей земной путь определен и окончен.

Теряя кровь, Николаев забылся и лежал, приходя в сознание на короткий отрезок, и снова проваливался в пучину бессознательности. Уже стемнело, и это спасло его от гибели. Уже в полной темноте Николаев услышал, как кто-то копошится рядом, и в бреду вдруг подумал, что гибель Марии — это ошибка, и она рядом и поможет ему.

Очнулся поручик уже под крышей бани, что пряталась у протоки реки, укрытая редким леском, выросшим на болоте.

Николаев очнулся, осмотрелся, отметил, что раны его перевязаны туго свежими тряпками, глянул в оконце, что было на уровне его головы, и увидел, как по дощечкам настила к бане бежит вприпрыжку молодая женщина, показалось, совсем девчушка, в широком темном платье, с косицами с вплетенными красными лентами на туго обтянутой смоляными волосами голове. Была она мала, круглое лицо девушки, когда она улыбалась на бегу, ее белые крупные зубы сияли, и игривое выражение на лице азиатки было смешливым и привлекательным.

Стукнула дверь, и девушка вошла неслышно в баню. А отметив, что раненый очнулся, смутилась, покраснела и стояла, потупившись, ожидая, что же скажет большой белый мужчина в ответ на ее стремление помочь.

Николаев был очень слаб, потеря крови была значительной, и единственное, что он успел спросить, — где он и кто она, его спасительница.

— Я Аяна, а это наша баня. Ты в Чурапчи, и я с помощью отца спрячу тебя на нашей лесной заимке, где у нас покос. Отец одобрил.

Говорила девушка по-русски неспешно, подбирая слова, глядя пристально раскрытыми глазами на раненого. Говорила правильно, но осторожно, и легкий акцент был едва заметен.

Николаев откинулся на спину, расслабился.

— А девушка, которая меня тащила из боя, что с ней?

— Умерла она. Мы ходили уже после боя к ней. Остыла уже. Страшная у нее рана получилась — умерла быстро, не мучилась. Похоронили там же.

К вечеру в баню пришел и отец Аяны. Это был человек средних лет, невысокий, крепкий с крупной головой и туго уложенными в косицу черными волосами с проседью. Лицо его было напряженным и чувств не выражало. Мужчина в основном молчал и только изредка что-то бросал коротко на якутском языке дочери. Та отвечала быстро и тут же смотрела на поручика, иногда улыбаясь, как бы уточняя, что все сказанное его впрямую не касается и что все хорошо. Глаза якута смотрели исподлобья. С помощью отца и дочери Николаева погрузили в телегу, запряженную быком, и прямоком по хлюпающему болотцу повезли без дороги через лес. Бык медленно, но уверенно тянул повозку с наездником и двумя пассажирами по топкому грунту, и скоро они выбрались на лесную дорогу, по которой покатали, громыхая колесами, дальше. Николаев забылся и очнулся, уже когда его переносили в домик среди леса — полевою заимку, в которой жили летом, занимаясь заготовкой сена и изредка охотой.

Скоро отец, сгрузив два мешка с продуктами и вещами, уехал, а Саяна осталась и, проводив отца, вернулась в дом и пояснила, что отцу нужно вернуться до рассвета, чтобы не узнали, что он уезжал из села. Красные лютуют после боя, шарят по дворам — выискивают затаившихся из отряда повстанцев.

Началось долгое лечение травами и покоем среди леса в домике, в котором дышалось легко. Раны затягивались плохо, загноились, поднялась температура, и только примочки из настоянных трав снимали медленно воспаление. Только через месяц, уже осенью, когда подморозило и снег улегся, спрятав ярким чистым покрывалом осеннюю разруху в природе, удалось подняться и выйти на улицу.

Укрытые снегом поляны и деревья, свежий воздух бодрили дух и тело, и только теперь, после мучительного выздоровления Николаев понял, что спасся и на этот раз, но потерял свою любовь, и оттого это его спасение было не в радость. Силы возвращались неспешно. Скоро уже серьезно стало подмораживать. Стало известно, что вновь Чурапчи оказалось в центре боевых столкновений. Бои прокатились по окрестностям и с наступлением холодов как-то угомонились, а вскоре пришла весть, что отловили весь штаб повстанцев и все сопротивление сошло на нет. Все эти события прошли мимо поручика Николаева. Раны не давали покоя и достатка сил, но и дух борьбы стал

униматься в душе боевого офицера. Он не видел перспективы этой долгой борьбы, понимая, что партизанить смешно, а вести бои не было уже ни сил, ни желания.

Аяна теперь наведывалась на заимку изредка из-за холодов, но Николаев был уверен, она его не оставит.

Уже к весне, когда наконец удалось выйти из домика и пройти под весенним солнцем по лесу, порубить дров и самому занести их в дом к печи, Николаев понял, что практически здоров. Тут и Аяна нагрянула верхом на коне с грузом.

Аяна ловко соскочила с коня и взялась отвязывать притороченный к седлу мешок с продуктами. Николаев подошел и стал помогать. Руки их встретились, и побежала искра, как бежит весенний ручей, образованный растаявшим после стужи снежком и льдом. Николаев, полный благодарности к девушке, обнял ее за плечи, она повернулась к нему, и в ее раскосых, широко открытых глазах было удивление, искорки счастья и тревоги одновременно.

Так в жизни поручика Николаева появилась новая любовь, а скоро он понял, и жена. Аяна была покорна и внимательна к нему и, несмотря на непохожесть с Марией, как внешнею, так и характером, вдруг стала ее продолжением, взвалив на свои плечи свою долю ответственности за человека, который рядом.

Отец Аяны, распознав перемены в дочери, покряхтел, посопел и выдал наконец, что нужно как-то перебираться в село, а для этого следует выправить документы, которых, нужно сказать, у Николаева давно уже не было вовсе.

Дело стоило коровы, и уже через месяц Николаеву выправили в Якутске удостоверение личности РСФСР на имя Игнатова Степана.

Так в Чурапчи объявился приезжий из России грамотный мужчина под сорок, который поселился в доме местного старожилы, снимая жилье внаем, и скоро стал мужем дочери Аяны. Все выглядело ладно, но местные, те, что были близки семье, знали, кто этот Игнатов на самом деле и как он оказался в доме якутской семьи.

По этому поводу посудачили, а в сельском совете взяли на заметку гражданина, а отметив его грамотность, определили на службу в этот самый сельский совет.

Через год, как и положено в добрых семьях, родилась дочь у Степана и Аяны. Крохотная Анна явила миру свой новый взгляд и облик восточной красавицы. И все в семье было хорошо, и жизнь как-то выстроилась спокойная и добрая. Следом за Анной через несколько годков родился сыночек, которого решили назвать в честь мамы — Саяном.

И жизнь катила по наезженному, и жили, как все, принаравливаясь к новой власти и строю. Но только в один душный вечер сломалась и эта тонкая жердочка на жизненном пути, не выдержав тягот времени.

Возвращался Степан Игнатов со службы домой. У дороги стоял автомобиль не местный, из Якутска.

— Стой, товарищ! — раздалось за спиной, и сразу стало как-то ясно, что по его душу пришли, и исхода иного нет, как подчиниться.

Игнатов остановился, постоял пару мгновений, как бы задумавшись, и решительно повернулся на оклик. Перед ним стоял человек в кожаной куртке и фуражке сотрудника ГПУ НКВД, в галифе и хромовых сапогах, запыленных на дорогах сельской глубинки. Взгляд его не предвещал доброго разговора, а буровил Николаева, выискивая в облике что-то приметное.

— Николаев? Вот так встреча, — выдохнул энкавэдэшник, и рука в кармане куртки напряглась, и стало ясно, что наган взведен и готов пальнуть.

— Игнатов я, товарищ комиссар. Местный, тружусь в колхозе в правлении счетоводом, — ответил Степан и стал вспоминать, где он мог видаться с оперативником ранее. Вспомнить не удалось, и поручик затосковал, подумав с сожалением о том, как все отразится на его семье — Аяне и детях.

VI

Яков Астахов, сухой, невзрачный простоватым лицом с прилизанной челкой русых волос, прихрамывающий после ранения чекист, как он сам себя называл с гордостью, был из числа тех, кто попал под огонь отряда поручика Николаева у протоки.

Прошли годы, Яков после тех кровавых событий превратился в крепкого мужчину, служаку органа преследования врагов народа. Чудом выжил тогда, будучи мальчишкой еще безусым, недобитый спешно отступившими повстанцами, но подволакивал плохо гнущуюся ногу, простреленную в памятной губительной схватке. На лице также осталась памятная отметина — некрасивый шрам на щеке, отмороженной в тот роковой день, когда пришлось лежать обездвиженному без памяти в мороз на дороге, истекая кровью.

Якова после того памятного избиения красного отряда на протоке подобрали

только к вечеру подоспевшие из Якутска войска. Собрали трупы в санки, сложив стопкой окоченевшие тела. Раненых, которых было всего несколько человек, уложили в санки аккуратнее, укрыли кошмой и брезентом и повезли долгой дорогой в городской госпиталь.

Только чудо молодого организма и невероятная природная выносливость сохранили жизнь Якова. Над ногой долго колдовали хирурги и готовились уже ампутировать, чуть ли не по бедро, но помаленьку покалеченная конечность ожила, зарозовела сначала у колена, а затем и ниже сустава, и ногу оставили. Только отказывалась нога работать, и лишь через год удалось научиться ходить с палочкой. А еще через год, после долгого лечения, вернулась к Астахову способность ходить и без палки, но нога предательски волочилась.

Яков горел желанием служить и непременно в карающем органе, дающем возможность мстить злобой, таящейся по темным углам, испоганившей его жизнь контре. После того боя у протоки он твердо решил вернуться в Якутск и быть при штабе войск или попроситься на службу в ГПУ наркомата внутренних дел. Рапорт Якова Астахова рассмотрели и поначалу отказали — не особо нужен был малограмотный, да еще покалеченный молодой человек для органов. Яков, однако, был настойчив: взялся заниматься гимнастикой и скоро сносно уже даже бегал, слегка прихрамывая. Настойчивость молодого человека отметили, а тут пришел приказ о направлении молодых сотрудников для подготовки с целью повышения навыков и квалификации. Яков вовремя подвернулся, и поскольку набрать группу проверенных сотрудников было непросто, направили учиться человека с увечьем в город, только что поименованный как Свердловск.

Здесь на Урале ковали новых чекистов для огромной страны и службы по чрезвычайным делам. И хотя ВЧК уже упразднили, сами сотрудники гордо именовали себя чекистами. Яков Астахов быстро перенял навыки жесткой борьбы: главное, действовать максимально жестко на опережение, не считаться со своими слабостями и не давать пощады врагу.

В июле, в очередную годовщину казни императора Николая и его семьи, когда обучение на курсах подошло к концу, у дома Ипатьева собрали курсантов, и в сумерках уходящего жаркого дня каждый выпускник произнес клятву о верности в борьбе с врагами советской власти во благо большевизма и мировой революции. Укрепляя долг перед революцией, выпускники курсов выслушали долгий эмоционально-восторженный рассказ участника убийства семьи императора заслуженного чекиста Юровского. Дьявольского свечения глаз Юровского при тусклом свете запыленной люстры многие не заметили, но Астахова это видение поразило, и он подумал: «А как иначе? Враг должен быть непременно уничтожен!»

По завершении курсов НКВД Астахова направили по его просьбе в Якутск. На обратном маршруте в родные края прибыл Яков в Иркутск ранним поездом и ощутил такой знакомый ядреной свежестью на рассвете, навеянный Байкалом воздух. От полноты чувств распирало грудь, хотелось дышать глубоко этим воздухом байкальской вольности. Площадь перед железнодорожным вокзалом с утра была пуста, и только несколько повозок с сонными мужиками и понуро опустившими головы лошадьми поджидали прибывших пассажиров, чтобы развести нуждающихся и немного заработать.

Яков решил тут же ехать в свою деревню, до которой было верст шестьдесят. Найти возницу, который на такое бы решился было непросто, и тогда, действуя вероломно, Астахов наметил самого молодого из них и сунул в лицо новенькое удостоверение уполномоченного ГПУ. Удостоверение, упрятанное в нагрудный карман новенькой гимнастерки сотрудника органов, возымело действие, и мужик стал суетиться, соглашаясь доставить клиента по требованию куда угодно чуть ли не даром, «просто так», тут же предлагая и устроиться поудобнее на мешок, набитый сеном и укрытый поношенным китайским ковром, на котором огнедышащая голова зверюги была напрочь вышаркана до основы, и только хвост замысловатым крючком еще был ярок.

Дорога через понтонный мост, мимо молчаливых нынче иркутских храмов вывела за город и повела вдоль Ангары через прибрежную тайгу в сторону Байкала. Ангара простиралась водной сияющей лентой справа, и когда дорога пролегла у берега, посылая порцию дополнительной прохлады к свежести раннего утра.

Деревня мало переменилась, быть может, несколько обветшала. Церковь, что встречала торжественно путников сразу при въезде в деревню, была теперь неприметна, сиротливо высилась на косогоре, уже не претендуя на победное величие. Помнил Яков, как в дни праздников с колокольным боем охватывал восторг и учащенно билось сердце, а теперь без сияющего купола и креста на обветшавшей маковке церква выглядела упреком небес сложившемуся после всех потрясений мирскому порядку. Новых строений, возведенных в деревне, видно не было, некоторые дома стояли с

забитыми досками окнами, сельчане, которых довелось повстречать на спуске к дому, шли вдоль улицы, стараясь быть малозаметными при виде человека в военной форме.

Вернувшись в родные места Яков удивился тому, как воспринимается теперь деревня. Казалась она теперь совсем небольшой, неказисто-кривенькой, дома и дворы виделись совсем измельчавшими, и только тайга вокруг деревни, на склоне к реке и сама Ангара сохранили свое величие, запечатленное в памяти. За Ангарой, на другом берегу, высился заросший скалистый берег, вдоль которого тянулась насыпь железной дороги и был виден поезд во главе с паровозом. Стука колес было не слышно, и только отдаленный истошный паровозный «крик» донесся по воде.

Якова дома не ждали, а скоро выяснилось, что письмо, отправленное неделю назад, еще не добралось до адресата. Однако встреча вышла шумной: мама, как обычно, толкалась во дворе, а отец правил просевшую дверь в бане, и когда сын шагнул во двор, старики растерялись, засуетились, бросились обнимать и привечать сына. Скоро уже сидели за столом и делились шумно, сумбурно, повторяясь, часто невольно новостями, которых накопилось за несколько лет столько, что более ранние уже и подзабылись, наслоились, как чешуя, и стали мало актуальны. Говорили о том, кто помер в деревне из родных и близких, а кто съехал навсегда, покинул родные места, кто женился и кого родил, и о том, как новая жизнь устраивается на байкальской земле. Отец с опаской поглядывал на краповые нашивки на рукаве кителя и на вороте сыновьей гимнастерки, одобритительно кивал, рассмотрев добротную португую и наган в кожаной кобуре.

Мама, конечно, обратила внимание на легкую хромоту, шрам на лице и, помня о длительном лечении сына, все пыталась узнать, как налаживается его личная жизнь, скоро ли ждать внуков. Астахов поначалу тихонько отмахивался, а выпив самогона, на вопросы мамы и заинтересованный взгляд отца отвечать стал резко. Заговорил о том, что возвращается в Якутск в звании старшего сержанта ГПУ НКВД и будет при должности в управлении, и еще отольются слезы тех, кто его так покалечил, заставил страдать.

Мама сидела рядом с сыном молча и только гладила сочувственно его руку, уловив тот предельный уровень озлобления и желания отомстить обидчикам. Мария Ивановна помнила, каким был Яков до армии. А был ее сын веселым фантазером, увлеченный заботой о домашних животных, с которыми у него были самые теплые отношения. Даже корова, которую обхаживала в основном она сама, когда Яшка забегал в сарай во время дойки, чтобы хлебнуть горячего парного молочка с утра, оборачивалась на него и утробно мычала, приветствуя мальца. Тот любил кормилицу и не забывал угостить корочкой хлеба, припасенной с вечера.

Добрая когда-то душа была у сына, но злым обликом обернулась она нынче при встрече.

— Ты бы сынок не злобился. Нужно уметь прощать и забывать плохое. Господь так нас вразумляет, берегает от напасти. Порой неумоги, но следует простить того, кто тебе сделал больно, и не брать груз злобы на душу, — сказала, как выдохнула, мама, глядя руку сына и глянув пристально в сторону мужа Мартына.

— Прощать? Ну уж нет! Этим злыдням, убивавших нас в то мартовское утро, я ничего не прошу! Найду всех и накажу! — в пьяном запале выкрикнул Яков и выскочил в сени и во двор, задымил папиросой.

— Ох, беда, а Яшей-то! — покачала головой Марья Ивановна и, оборотившись к образам в горнице, поклонилась, крестясь. — Был бы жив батюшка наш при церквико, сходили бы, помолились, сняли камень-грех с души. Но нет теперь такого места, где можно очистить себя от напасти.

Уехал из родной деревни Астахов, не пробыв и трех дней. Брат Мишка, простой до прямолинейности байкальский мужик, уловив червоточину в брате, не согласный с его зловными суждениями о мести, на прощание обронил скупое и словно надсмехаясь:

— Ну, что, братан? Уезжаешь? В родном доме не уют? Ну, давай — тока от злюкости своей не заболей. Не захлебнись желчью своей, — и отвернулся, даже и руки не подал.

Тоскливо все же порой вернуться, подумал тогда Яков, и увидеть, что твои когда-то такие близкие места и родные люди остались в прошлом, из которого ты вырос, а нить родства истончилась и вот-вот готова и вовсе оборваться.

Уехал чекист Яков Астахов из родной деревни и словно излечился от душевного надрыва, как ему показало, — забылось все, что взялось терзать душу смутными сомнениями о правильности выбранного пути. Забылось быстро с началом службы, новых событий, и, погрузившись в дела, захотел забыть Яков волнующие впечатления о родной деревне на берегу без устали спешащей мимо студеной реки.

Теперь каждое утро, собираясь на службу, перед зеркалом, перед собственным отражением, Яков, разглядывая потемневший, уродливый шрам, снова и снова вспоминал тот бой, то унижение, пережитый ужас и готовился каждый раз отплатить за все.

Был еще изъян у Астахова. Изъян оскорбительный, фатальный для мужика. Пролежал тогда Яков весь день на морозе, страху натерпелся такого, что мальчишке и представить было ранее нельзя. Вымерзнув, потерял Астахов в свои неполные девятнадцать способность быть активным с женским сословием, хотя огонь в душе горел при виде той или иной жеманной красотки с выразительными формами, но выхода этот пламень сердца не имел, а тлел уныло, тлел без пользы, выжигая душу изнутри.

Проблемы урологии, мучительные боли стали привычны. Внутренний мужской изъян выстроил порядок жизни и едкий характер Астахова, и долгими ночами без сна думал Астахов о том, что есть человек, виновный в его тяжких недугах и сломанной жизни.

Тот памятный бой на заснеженной протоке стал рубежом в жизни Астахова. Едва выжив от потери крови и обморожения, страстно желал он отомстить поручику. Знал чекист, что где-то поблизости затаился Николаев, а рядом и его пособники прикинулись мирными гражданами, вступили в колхозы, завели семьи и ждали момента, чтобы выступить и ударить с тылу.

Случай помог чекисту Астахову.

Летом по приказу выезжали с группой товарищей в окрестные улусы с инспекцией. Когда, закончив основные мероприятия собирались уже выезжать в Якутск из Чурапчи, вдруг наметанным взглядом отметил Яков сухощавого мужика лет так сорока пяти, что вышагивал по улице и чем-то неуловимо отличался от местных жителей. В походе прохожего явно просматривалась военная выправка, а левая рука, прижатая к телу при ходьбе, словно придерживала отсутствующую в данный момент на поясе шашку.

— Стой, товарищ! — приказал Астахов и выбрался из автомобиля, нащупав в кармане наган.

Мужик остановился, постоял пару мгновений, как бы задумавшись, и решительно повернулся на оклик. Астахов тут же узнал поручика Николаева, которого запомнил на всю жизнь, хоронясь за санями раненный, истекающий кровью и ожидая обреченно, когда добьют его бандиты.

Николаев метался тогда с наганом среди убитых и раненных красноармейцев и подгонял подчиненных, и вот-вот должен был наткнуться и на него. Но повезло: вовремя ударил пулемет ушедшего вперед авангарда, и Николаев тут же приказал уходить. Помнил Астахов прищур серых глаз, складки у плотно сжатого рта, ямочку на подбородке, овал небритого несколько дней лица. Приметным был мужчиной его благородие.

Теперь, конечно, Николаев выглядел иначе: стоптанные запыленные сапоги, сюртук и картуз с мятым козырьком, но чистая, ярко выделяющаяся среди поношенной одежды, сорочка. Лицо мужика, чисто выбритое, было напряжено, но серые глаза смотрели также строго с тревогой. Приметил Астахов, как правая рука мужика крепко сжимала отлог ворота сюртука, костяшки побелели, а на лбу выступили капли пота.

— Николаев? Вот так встреча, — выдохнул Астахов, и рука сжала крепче рукоять нагана в кармане куртки.

— Игнатов я, товарищ комиссар. Местный, тружусь в колхозе в правлении счетоводом.

Астахов усмехнулся. Он уже уловил вибрации напряженной испуганной чужой плоти и чуял, что это тот, кто не успел добить его в ясное морозное мартовское утро на протоке.

После проверки и обыска в доме, где проживал задержанный, доказать, что он и есть поручик Николаев, не удалось. Николаев спокойно отнекивался: в армии не служил, приехал из Новгорода, рассчитывая попасть на золотой прииск, но не сложилось, осел в Чурапчи, завел семью. Документы были верными, подтверждая слова подозрительного субъекта.

Жена Николаева, худенькая испуганная якутка в поношенном халатике с малышом на руках, и дочка, красивая, с восточным обликом светло-русая девочка-подросток, упорно твердили, что это муж и отец и давно — полтора десятка лет проживает с ними в семье.

Девочка в коротком — выросла, видать — платьице выделялась уже нестандартной красотой, в которой правильные черты лица, длинная шея и лебединая осанка подчеркивались восточной загадочностью внешности. Форма глаз в сочетании с разрезом пухлых губ и некоторая скуластость и оттого непропорциональность овала лица придавали явный восточный шарм загадочности.

Астахов мельком глянул на девочку и, полный злости, как гончий пес, тут же забыл о ней, увлеченный следом главной жертвы — Николаевым. Астахова, конечно, не убедили слова жены бывшего поручика, и он решил везти задержанного в республиканское управление НКВД — в Якутск, чтобы допросить и выдавить из него

по капле признание.

По тряской пыльной дороге, когда уже в сумерках, освещая придорожные кусты унылым светом фар, подъезжали к городу и ехали неспешно вдоль обрыва реки, решил Астахов не тянуть — так ему хотелось скорой мести, нестерпимым было желание испить заветную чашу и осуществить давнюю свою мечту — увидеть смертельный страх в глазах ненавистного поручика. Яков понимал, что не уйдет от него бывший белый офицер — элита армии Колчака, но там в управлении нужно будет соблюдать формальности, строчить протокол, ждать решения руководства. А самое ожидаемое проскользнет мимо. А главное — испить чашу мести, увидеть смятение, услышать мольбы врага не удастся.

«А то еще как повернется? Вдруг ускользнет? А то отправят в Москву — чин-то важный», — пронеслось в голове, и от этой мысли рука сама потянулась к нагану.

Испытав боль и страх в том бою на протоке и ожидая в ужасе, как всадят пулю в голову, закрыв глаза, Астахов до дрожи боялся пережить то свое состояние заново, и лютая злорада, помноженная на страх, заставили его принять скорое решение.

Астахов сухо приказал шоферу:

— Останови машину, — и приказал задержанному: — Выходи!

Николаев глянул на Астахова и, вероятно, все понял, оценив прямой, полный злорады взгляд опера ГПУ.

Задержанный вышел из машины, потянулся, невольно разминая затекшее тело, и, напряженный, ждал команды.

Астахов вывел задержанного к реке, к самому обрыву, достал наган и взвел курок. Он готовился к убийству медленно, разглядывая Николаева, желая увидеть приметы страха, смакуя каждое мгновение своей мести, как сладость. Задержанный был спокоен. Лицо его бледное было словно маска, а взгляд обращен в себя, — думал человек, видимо, о тех, кто ему дорог, о том, чем он жил последние годы.

Когда револьвер оказался на уровне головы задержанного, тот с вызовом усмехнулся:

— Узнал-таки. Ну что же, это должно было случиться. Стреляй, сволота. Только не помню я тебя ... Где схлестнулись-то?

Астахов не ответил, а только скривился в усмешке, вымещая зло по полной, не давая врагу того, чего он ждал, не давая ясности и прозрения в последние мгновения жизни.

Выстрел прозвучал гулко, раскатисто над рекой, и тут же его звук растворился, а поручик мгновенно побелел лицом и, раскинув руки, упал навзничь на самый край обрыва и, задержавшись на мгновение, улетел с кручи вниз. Когда Астахов подошел к краю, чтобы посмотреть на убитого, внизу в темени ничего уже не было видно, и только река отражала в потоке лунный свет.

Вернувшись в машину и усевшись на еще не успевшее остыть в его отсутствие место в кабине, выдохнул, явно с облегчением:

— Уйти хотел, контра. Пришлось пристрелить.

Любая судьба истончается, изживая себя, и остается в прошлом, в памяти близких, если таковые сохранились и имеются.

Всякая жизнь может закончиться в одночасье, оборваться, словно мелодия на самой высокой ноте, в порыве свершения.

Мечется, мучается порой человек вопросом: «Зачем живу, что должен свершить я в этой жизни?» — и уходит в мир иной, так и не найдя ответа. Спроси снова его, скажет: «Делал то и то, стремился к тому и тому». И сам поймет, как это звучит коротко, по сути, ничтожно, а умирая на постели или прикрыв землю своим телом на поле брани, вспомнит человек в последний свой миг земного пути, возможно, не то, о чем он заботился и чем себя озадачивал всю свою жизнь, готовил достойный ответ, собирался, может быть, мстить, ответить обидчику, а бабочку, которая, как-то перепутав с веткою ли, цветком ли, села на лицо, поначалу легонько своими крылышками защекотав по коже. А еще вспомнит, как бежал летом под ярким солнцем по мелководью вдоль берега реки, и брызги летели во все стороны прозрачными горошинами, и смеялось так легко...